LE

CHRISTIANISME

DE FÉNELON

EXTRAIT

DE SES ŒUVRES SPIRITUELLES

avec une préface de

M. ERNEST NAVILLE

LAUSANNE

GEORGES BRIDEL ÉDITEUR

—

1870

ХРИСТИАНСТВО
ФЕНЕЛОНА

Избранное из его духовных сочинений
с предисловием г-на Эрнеста Навиля

Лозанна
1870 год

Перевод 2025 г. - Школа Христианской Мудрости
School Christian Wisdom www.scwi.top

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ — 3
I. ХРИСТИАНСКИЕ НАСТАВЛЕНИЯ
1. О подражанию жизни Иисуса Христа — 8
2. О молитве и главных упражнениях благочестия — 9
3. О смирении — 9
4. О самоотречении — 10
5. О печали — 11
6. О рассеянности и печали — 12
7. Как надо бодрствовать над собой — 16
8. О христианском совершенстве — 17
9. О присутствии Божием — 19
10. О согласии с волей Божией — 20
11. Общее наставление к обретению внутреннего мира — 22
12. Об оставлении себя в волю Божию — 23
13. О пользе времени — 23
14. Об экономии времени — 24
15. Блаженство в отданности Богу — 25
16. Мир в страдании — 26
17. Единение сердец — 27
18. Против рассеянности — 27
19. Истинные источники мира — 27
20. О желании знания — 27
21. Терпеть самого себя — 28
22. Польза пережитой близости к смерти — 28
23. Почему Бог допускает ослабление ревности — 28
24. Как следует переносить утрату близких — 29
25. Утешение — 29
26. Ещё одно утешение — 29
27. Против уныния — 30
28. Страдать, не теряя мужества — 30
29. Наставления о молитвенном чтении — 30

30. Бог соразмеряет страдание с силами — 31
31. Прошлое и будущее — 32
32. Чувства и воля — 32
33. Никогда не отчаиваться в Боге — 32
34. Средство к нахождению мира — 33
35. Любовь к Богу — 33
36. Не смущаться несовершенствами других — 33
37. Блаженство в страдании — 33
38. Наставление для человека, живущего в мире, но желающего обратиться к Богу — 33
39. Предостережения, связанные с жизненным состоянием — 35
40. Совет человеку военной профессии — 37
41. Последствия расслабления и любви к развлечениям. Правила борьбы с ними и преодоления себя — 38

II. РАЗМЫШЛЕНИЯ НА НЕКОТОРЫЕ МЕСТА СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

1. Галатам 6:14 — 42
2. 1 Петра 1:22
3. Марка 10:45
4. Матфея 11:29
5. Луки 11:1
6. Иакова 1:26 — 43
7. Луки 20:9
8. Матфея 6:10
9. Галатам 5:17
10. Галатам 6:22
11. Луки 10:41–42 — 44
12. Луки 12:20
13. 1 Коринфянам 2:9 — 45
14. 2 Коринфянам 3:17
15. Деяния 9:6
16. 3 Царств 18:21 и Матфея 6:24 — 46
17. Галатам 6:10 и Иоанна 9:4
18. Псалтирь 120:1 — 47
19. Иеремии 31:3
20. Псалтирь 72:25 — 48
21. Псалтирь 38:10
22. Псалтирь 6:3
23. Псалтирь 37:11
24. Филиппийцам 1:29 — 49
25. Иов 1:21
26. Матфея 11:28
27. Иоанна 12:27

ПРЕДИСЛОВИЕ

Религиозная пресса в наше время чрезвычайно активна; она вносит обильную лепту в поток печатной бумаги, который с каждым днём всё больше нас затапливает. Поэтому вовсе не лишне — если возможно — оправдать издание нового тома благочестивой литературы, ибо чем больше публикуется, тем важнее не публиковать без уважительных причин.

Новости из Царства Божия, рассказы о внешних или внутренних миссиях имеют своё основание и свою пользу. Не следует также пренебрежительно отзываться о религиозных новшествах, которые отвечают на особые нужды и излагают вечные истины в формах,

наиболее способных сделать их доступными для восприятия в ту или иную эпоху. Но есть люди, которые в делах благочестивого чтения ищут скорее старое, чем новое, и предпочитают страницы минувших веков современным произведениям. Допустимо находить особое очарование в чтении слов, которые уже вдохновили и утешили множество душ, и потому кажутся обогащёнными всем добром, которое уже принесли.

Время, кроме того, — великий судья, выносящий окончательный приговор о ценности человеческих произведений, ибо со временем становится возможным очистить суждение человечества от мимолётных увлечений, связанных с местными или временными обстоятельствами, и выявить то, что проистекает из самой основы человеческой природы. Произведения, которые выдерживают испытание временем во всех жанрах, — это те, чьи корни пробили поверхностные, постоянно сменяющиеся слои почвы, чтобы проникнуть в глубинную, неизменную основу сердца и совести.

Произведения искусства и поэзии, всплывающие на поверхность этого потока времени, который уносит с собой так много, — это не те, что льстят прихотливому вкусу, но те, что пробуждают в душе подлинное чувство красоты. Точно так же благочестивые мысли, которые в прошлом отвечали на нужды времени и до сих пор способны говорить к нашим сердцам, содержат в себе прочную сущность религии; они соединяют нас сквозь века с Церковью Вселенской. Поэтому кажется полезным, чтобы наряду с изданиями, отвечающими на новые потребности каждой эпохи, значительное место уделялось воспроизведению произведений прошлого.

Если бы, опираясь на уже проделанную в этом направлении работу, удалось собрать в несколько томов разумного объёма ту часть религиозной литературы всех веков, которая наилучшим образом отвечает постоянным нуждам души, и если бы удалось сделать эти тома, стоящие сразу после Священного Писания, основой чтения в христианских семьях — это было бы добрым делом. Не стоило бы сожалеть о времени, отнятом у чтения ежедневных брошюр, чтобы посвятить его страницам, извлечённым из творений отцов Церкви или даже средневековых богословов.

Такое дело, именно потому что оно не было бы делом сиюминутным, отвечало бы на одни из самых насущных нужд нашего времени. Одним из орудий современного неверия является утверждение, будто всё в мире изменяется, и что христианская вера, подверженная, как и всё остальное, беспрестанным колебаниям, не содержит в себе никакого устойчивого элемента, за который можно было бы уцепиться. Это суждение — плод поверхностного изучения фактов. В евангельской традиции, как и в человеческой душе, изменение происходит на поверхности.

Чем глубже проникаешь — приближаясь к убеждениям и чувствам, составляющим самую суть жизни, — тем очевиднее становится единство. И ничто так не даёт почувствовать это единство, как череда одинаковых свидетельств, которые христиане всех времён воздавали силе своей веры и своей надежды. Если, читая произведения прошлого, не обращать внимания на второстепенное и случайное, а сосредоточиться на том, что действительно существенно с точки зрения совести и сердца, — становится ясно, что постоянные истины традиции совпадают с теми, которые верующий чувствует как основные в своей вере и в духовной жизни, являющейся её плодом.

Лишь немногие способны самостоятельно изучать обширное собрание подлинных источников. Отсюда — польза, даже необходимость сборников избранных отрывков. В подобных изданиях, как то, которое мы имеем в виду, не стоит задачи представить мысль каждого автора во всём её многообразии. Эти «Духи писателей», к возрождению которых в связи с именем Александра Вине (см. Esprit d’Alexandre Vinet, 2 тома in-12, 1861) г-н Астье

приложил счастливую инициативу, представляют собой полезные пособия для тех, кто хочет изучать историческое развитие идей. Мы же думаем о тех, кто желает питаться истиной. Следовало бы собрать во всей христианской литературе то излучение Евангелия, которое можно, насколько возможно, очистить и отделить при помощи суждения, которое время — этот великий судия — уже произнесло о произведениях прошлого. Мы всегда рискуем попасть под влияние предрассудков нашей эпохи; но мы свободны от предрассудков, присущих эпохам прошедшим. Вот почему даже ум средней меры — если он только будет остерегаться глупой самоуверенности — вправе надеяться различить в творчестве великих умов прежних времён те элементы ошибки, которые время уже осудило.

Нетрудно, к примеру, отделить у Паскаля исследование человеческой природы, обнажённой его страданиями, от некоторых жёстких замечаний, не принадлежащих ни сердцу человека, ни Евангелию, но восходящих к влиянию отдельной школы и времени. Таким образом, вполне возможно, не присваивая себе авторитета непогрешимого судии, извлечь из трудов христиан то, что составляет суть их христианства — ту часть, что наиболее истинна, полезна и долговечна. Даже не осознавая этого, мы движемся к такой цели, когда, например, делаем карандашную пометку на полях книги, отмечая те места, которые наиболее прямо откликаются на нужды души, дают свет, силу и утешение.

Небольшой том, который держит в руках читатель и к которому меня попросили написать несколько вступительных страниц, представляет собой результат подобной работы. Разумеется, работа такого рода в известной степени, всегда носит личностный характер: выбор одного читателя не совпадёт с выбором другого. Однако тот факт, что отбор осуществляет читатель, принадлежащий к веку, отличному от века автора, придаёт труду некоторую универсальность — потому что, несмотря на различие личных вкусов, мы все в той или иной мере находимся под влиянием общего духа времени и участвуем в этом поступательном воспитании человеческого рода, которое совершается во времени.

При обращении к новейшей истории религиозной литературы Фенелон неизбежно привлекает к себе большое внимание. Однако Фенелон не является абсолютно надёжным путеводителем. Вот как однажды о нём высказался Вине: «Фенелон, чьё одно только имя уже вызывает в памяти образ — ибо оно давно стало символом самой убедительной и мягкой речи, — Фенелон, вобравший в себя всю прелесть религии, так же как Боссюэ вобрал её величие, — и всё же это путеводитель ненадёжный, чтение опасное для многих душ, которые у него находят изобилие прежде необходимости, стремятся бежать прежде чем научились идти, хотят питаться всей сладостью религии, прежде чем вкусили её спасительную горечь». (Moralistes des XVIe et XVIIe siècles, стр. 274)

Как же так получается, что Фенелон — один из самых авторитетных представителей христианского благочестия — при этом в некоторых отношениях оказывается ненадёжным проводником? Попробуем осмыслить этот двойственный взгляд. Спаситель людей не щадил себя в трудах, переходя из места в место, творя благо. И нередко удалялся затем в уединение, чтобы проводить в молитве часть ночи. В этом примере Учителя мы видим две стороны христианской жизни: деятельность и сосредоточенность, отношения человека с ближними в практической жизни и отношения человека с Богом — в умерщвлении плоти, в уединении и молитве. Истинная связь между этими двумя сторонами — взаимность. Эти два элемента необходимы друг другу; в изоляции они вырождаются. Любовь (ἀγάπη), высший закон Евангелия, — это отношение человека к Богу, которое порождает отношение к ближнему. Душа должна отрешиться от мира и его суеты, чтобы соединиться со своим Творцом; иначе благочестие иссякнет, а жизнь рассеется и осквернится. Но душа, узнавшая Бога как Бога любви — как Отца всех, — не может соединиться с Ним, не будучи тут же послана обратно, чтобы изливать на братьев те силы, которые она почерпнула в общении с Ним.

Таким образом, внешняя деятельность требует внутренней жизни — молитвы и общения с Богом; а внутренняя жизнь уклоняется, если, становясь экстазом или бесплодным созерцанием, остаётся без плодов. «Горе, — говорит Боссюэ, — бесплодному знанию, которое не приводит к любви». Следует также сказать: горе бесплодному благочестию, которое не воплощается в деятельной любви!

Эти два элемента религиозной жизни пребывают в совершенной гармонии в Иисусе Христе и в предписаниях Евангелия. Но произведения, в которых Церковь выражала свою жизнь, редко сохраняют в этом отношении полное равновесие. Там, где преобладает внешняя сторона религии (дела и слова), общение души с Богом отступает в тень; отсутствует внутренний, или, если угодно, мистический элемент. В других местах, напротив, индивидуальное общение души с Богом слишком отрывается от практической деятельности. Фенелон принадлежит к числу тех писателей, которые склоняются ко второму направлению. Он с большой силой воспринял и с необычайной гибкостью, богатством и обаянием своей речи развил одну из величайших истин: суть религии заключается в соединении воли человека с волей Божией. Истинная религия — не в делах, не в чувствах, не в воображении, а в направлении воли. Когда мы смиренно, просто и без остатка вручаем нашу волю Богу, — мы уже на пути, даже если наше воображение мертво или тревожно, наше сердце сухо, а внешняя деятельность невозможна. Всё заключается в достижении такого внутреннего состояния, в котором душа хочет того, чего хочет Бог, — всего, чего Он хочет, и только того, чего Он хочет.

Именно за то, что он так глубоко раскрыл эту возвышенную мысль, Фенелон всегда будет предлагать сокровища утешения всем душам, страдающим от внутренней сухости, терзаемым воображением или лишённым сил для внешней деятельности. Для больных, тревожных умов и скорбящих сердец он имел и будет иметь неисчерпаемые духовные сокровища.

Чтобы достичь союза с Богом, необходимо бороться с внешними стремлениями, с рассеянностью, с отвлечением, которые беспрестанно питают собственную волю. Нужно бороться с миром — с помощью сосредоточенн ости, и с самолюбием — черпая в молитве и созерцании силу для самопожертвования. Сосредоточенность и молитва не всегда требуют уединения и одиночества. Нужно научиться собираться с мыслями даже среди толпы и уметь молиться даже посреди мира. В этих размышлениях Фенелон превосходен. То, что «Подражание Христу» выразило для отшельников, он сумел переложить для обитателей двора и городских жителей.

Сказать, что Фенелон, сосредоточенный исключительно на отношениях души с Богом, забывает о связи любви, которая должна объединять нас с людьми и одна лишь выражает полноту высшей воли, — было бы несправедливо. Но нельзя не признать, что интимная, личная сторона благочестия в его мыслях явно преобладает. Внешние обязанности в его произведениях чаще всего предстают как упражнения в умерщвлении плоти. Отношения с другими людьми — это для него прежде всего крест, который нужно нести. Он скорее показывает эгоизм, побеждённый в отречении, чем эгоизм, преображённый силой любви. Связь человека с человечеством у него недооценена; тварь исчезает перед Творцом.

Аналогичное замечание можно сделать и относительно того, как он понимает отношения души к самой себе. Когда он пишет: «Если мы всё относим к Богу, мы находимся в порядке, глядя на себя не иначе, как на прочие создания», — он идёт царским путём истины. Но когда он утверждает: «Отречься от себя — значит считать себя за ничто», — тут следует возразить ему словами Боссюэ: «Человек, которого Бог сотворил по Своему образу, — разве он лишь тень? То, за чем Иисус Христос сошёл с неба на землю, — разве это ничто?»

Фенелоновское самоотречение слишком похоже на уничтожение. Евангелие требует, чтобы воля твари, развращённая эгоизмом, делающим её центром самой себя, обратилась — и признала своим центром Бога, а своей целью — Его волю.

Христианское смирение души заключается в том, чтобы признать: созданная по образу Божию, и нося в себе силу как знак высокого происхождения, душа стала рабой, ибо зло разрушило её истинную свободу.Христианин смиряется, чтобы быть возвышенным прощением и благодатью, чтобы снова стать свободной силой, добровольно подчинённой замыслам вечной любви. Это смирение — путь к подлинному величию — основывается на сознании греха, а грех есть восстание реально существующей силы. Но есть смирение ложное и опасное — оно основывается на мысли о нашем ничтожестве и ведёт к экстазу и к Quietisme (пассивному религиозному покою). Если мы ничто — то и ждать от нас нечего. Если самоотречение — это не отречение от извращённого направления воли, а от самой воли, то такое самоотречение — не начало жизни, а её конец. «Кто хочет идти за Мной, — говорит Иисус Христос, — отвергнись себя, возьми крест свой и следуй за Мной». Только восстановленная воля, а не уничтоженная, может нести крест и идти по стопам Учителя.

Значит, существует истинное смирение: это смирение грешника, который, сравнивая то, чем он стал, с тем, чем должен быть, раскаивается — и это покаяние становится началом обращения, восстановления воли, освобождения от греха. А есть ложное и опасное смирение — это смирение твари, которая, сознавая, что не существует сама по себе, считает себя ничем и забывает, что Бог создал её по Своему образу, даровав величайшую привилегию — свободу. Если мы ничто, а Бог — всё, тогда наше действие ничтожно; мы не можем даже восстать, поскольку в нас нет никакой силы, а восстание — есть акт силы… Тогда исчезает сама идея греха. Раскаяние становится заблуждением, ибо оно предполагает, что мы сделали зло, будучи способны на добро. Смирение, основанное на созерцании нашего ничтожества, склонно освобождать нас от раскаяния, обращения и деятельности. Следует просто оставаться в покое и позволить всему идти, как идёт — вне нас и внутри нас.

Фенелон иногда склоняется к тому, чтобы подменять истинное смирение опасным смирением ничтожества. Это следствие, как особого направления его благочестия, так и общего духа его эпохи. Уничтожить тварь, чтобы прославить Бога — вот к чему стремилась мысль XVII века. Отрицать Бога, чтобы прославить творение — вот к какому заблуждению пришли некоторые умы XVIII века. Созерцать величие Бога в силе, способной создавать свободных существ — вот та высокая истина, которая примиряет искажённые истины, ставшие главными заблуждениями двух веков, предшествовавших нашему. Человеческий дух, наученный собственными падениями, приходит к менее несовершенному пониманию вечного Евангелия.

Фенелон, склонный забывать о правах твари, не безупречен и в том, как он понимает славу Божию. Он созерцает исключительно суверенитет Творца, забывая слишком часто о Его любви. Когда он предлагает представить себе ситуацию, в которой мы должны были бы любить Бога, даже если бы Он нас не любил, — он, похоже, закрывает Евангелие, чтобы перечитать Марка Аврелия. В Евангелии Бог открывается под именем и с атрибутами Отца; Его слава — в Его доброте. Любить Бога — значит любить Того, Кто есть сама любовь, и никогда не следует отделять славу Бога — как бы цель Его воли — от счастья творений. Делать это — значит разбивать луч евангельского света, а разбив, — гасить. И потому — как ни странно — Фенелон, этот столь любящий сердцем человек, этот писатель, чьё имя стало символом всего мягкого и нежного в религии, порой говорит резко, стесняя душу и холодя её.

Теологическая ошибка в понимании славы Божией — это корень другой ошибки: недооценки места, которое ближние должны занимать в нашем сердце. Эти ошибочные взгляды исправляются простым развитием евангельской мысли. Бог есть любовь — значит, понятна и реальность твари, ибо её существование и счастье составляют славу Творца. Любить Бога — значит желать того, чего Он желает. А желает Он — счастья всех Своих детей. Любовь становится основой религиозной жизни; и из нашего всё более глубокого общения с Отцом всех вытекает всё более деятельное служение нашим братьям. Один только Бог существует Сам по Себе, но мы существуем по Его благодати; и благочестие, которое растворяется в Боге, забывая о творении, — это благочестие, сбившееся с пути. Все эти идеи взаимно предполагают друг друга и связаны между собой.

Следовательно, с Фенелоном следует обращаться с некоторой осторожностью. Питаясь у богатого источника его наставлений и благочестия, не следует принимать под его влиянием всё без разбора. Те страницы, на которых он ближе всего подходит к обозначенным выше опасностям, в этот сборник не вошли. Однако общий характер его сочинений и направление его мысли легко распознаются. Здесь чувствуется преобладание внутренней жизни, мистической и созерцательной стороны религии. С точки зрения абсолютной истины — это недостаток. Но в свете духа нашей эпохи — не преимущество ли?

Наш век — век шума, движения, внешней активности. Век транспорта, промышленности и политики; век журналов и газет. В умах мало спокойствия, и религия носит отпечаток лихорадочной природы современного общества. Везде борьба: борьба с громогласным и многословным неверием; борьба между различными церквями; борьба внутри самих церквей. Много суеты — и часто много страстей; много также любви к новизне. Религиозных изданий великое множество, и в богослужении ищут то, что может привлечь внимание своей оригинальностью. Наше благочестие часто беспокойно, наружное и шумное. Если это так, разве не полезно напомнить себе — пусть даже с некоторым преувеличением — о пользе тишины, сосредоточенности, умерщвления плоти, о сторонах Евангелия, которые мы рискуем забыть? Когда Марфа суетится и тревожится о многом, самое время указать ей на Марию, спокойно сидящую у ног Спасителя.

ЭРНЕСТ НАВИЛЬ

ХРИСТИАНСКИЕ НАСТАВЛЕНИЯ

I. О СООБРАЗОВАНИИ С ЖИЗНЬЮ ИИСУСА ХРИСТА

Необходимо подражать Иисусу Христу. Это значит жить, как Он жил, мыслить, как Он мыслил, и уподобляться Его образу, который является печатью нашего освящения. Какое различие в поведении! Ничто воображает себя чем-то, тогда как Всемогущий умаляется. Я умалюсь с Тобой, Господи; я принесу Тебе в жертву всю мою гордыню и суетность, владевшие мной доныне. Поддержи моё доброе намерение, удали от меня случаи, в которых я мог бы пасть; отверзни мои очи, чтобы я не видел суетного, но видел только Тебя и себя перед Тобой — тогда я познаю, кто я есть, и кто Ты.

Иисус Христос рождается в хлеву, Он вынужден бежать в Египет; тридцать лет Своей жизни Он проводит в мастерской ремесленника, страдает от голода, жажды и усталости, Он беден, презираем и унижен, Он возвещает Небесное учение — и никто не слушает. Все знатные и мудрые гонят Его, схватывают, подвергают ужасным мучениям, обращаются с Ним, как с рабом, и казнят между двумя разбойниками, предпочтя Ему вора. Вот жизнь, которую избрал Иисус Христос, а мы гнушаемся всякого унижения; нам невыносимы даже малейшие презрения.

Сравним нашу жизнь с жизнью Иисуса Христа, вспомним, что Он — Господин, а мы — рабы, что Он — Всемогущий, а мы — немощные; Он смиряется, а мы возносимся. Приучим себя так часто размышлять о нашей нищете, чтобы мы презирали только самих себя. Можем ли мы справедливо презирать других и осуждать их недостатки, если сами ими преисполнены? Начнём идти по пути, который начертал нам Иисус Христос, ибо только он может привести нас к Нему.

II. О МОЛИТВЕ И ОСНОВНЫХ УПРАЖНЕНИЯХ БЛАГОЧЕСТИЯ

Истинное прошение — это прошение сердца, и сердце просит только своими желаниями. Кто не желает всем сердцем, тот лжёт в молитве. Пусть бы он и целыми днями читал молитвы, размышлял и возбуждал в себе благочестивые чувства — он не молится по-настоящему, если не желает того, о чём просит.

Размышление — это не молитва, но оно её необходимое основание. Оно помогает нам проникнуться истинами, открытыми нам Богом. Эти истины должны стать для нас привычными, чтобы, видя их постоянно и во всякий час, мы привыкли судить обо всём только через них, чтобы они стали для нас единственным светом для различения на деле, как лучи солнца — единственным светом, позволяющим различать форму и цвет тел.
Размышление должно становиться всё более глубоким и проникновенным. Подобно тому, как мы всё глубже входим в эти истины, так и они всё глубже проникают в самое естество нашей души. Тогда те же самые истины, которые мы прежде слышали сотню раз с холодным равнодушием и без всякой пользы, начинают питать душу сокровенной манной, имеющей множество оттенков вкуса в течение многих дней. Нужно внимательно следить за тем, чтобы не переставать питаться некоторыми истинами, пока они ещё дают нам хоть что-то; это — верный знак, что мы нуждаемся в них.

Метод размышления не должен быть ни утончённым, ни насыщенным рассуждениями; достаточно простых, естественных размышлений, непосредственно вытекающих из самого предмета. Следует размышлять над немногими истинами и делать это неторопливо, без усилий, не ища необычных мыслей. Никакую истину не следует рассматривать вне связи с её практическим применением. Наполниться истиной, не приняв всех необходимых мер, чтобы следовать ей, чего бы это ни стоило, — значит, по слову апостола Павла, удерживать истину в неправде (Рим. 1:18), значит сопротивляться истине, отпечатанной в нас, а следовательно — и Самому Святому Духу.

III. О СМИРЕНИИ

Самые горькие ошибки оборачиваются нам во благо, если мы используем их для смирения, не ослабляя при этом старания исправиться. Уныние ничем не помогает; это всего лишь отчаяние оскорблённого самолюбия. Истинный способ извлечь пользу из унижения, вызванного нашими падениями, — это видеть их во всём их уродстве, не теряя при этом упования на Бога и не возлагая никогда никакой надежды на самого себя. Нам крайне необходимо быть униженными собственными падениями; только через это Бог сокрушает нашу гордость и посрамляет нашу самонадеянную мудрость. Когда Бог отнимет у нас всякую опору в нас самих — тогда Он воздвигнет Своё здание; до тех пор Он будет сокрушать всё, даже с помощью наших собственных ошибок. Оставим Ему эту работу; будем трудиться смиренно, ничего не ожидая от собственных сил.

Надо уметь сносить самого себя — не льстя себе, но и не впадая в отчаяние. Это равновесие встречается редко. Человек либо слишком многого ожидает от себя и своей доброй воли, либо впадает в полное уныние. Не будем ожидать ничего от себя, всё будем ожидать от Бога. Отчаяние из-за собственной неисправимой слабости и безусловное упование на всемогущество Божие — вот истинные основания духовного здания.

Ошибочно думать, что истинное смирение — это, сознавая себя недостойным Божьей благости, не осмеливаться уповать на неё. Истинное смирение заключается в том, чтобы видеть всю свою недостойность и оставаться в полном уповании на Бога, не сомневаясь, что Он может совершить в нас величайшие дела. Если бы Богу для Своих дел было необходимо найти в нас уже готовые основания, мы вправе были бы думать, что наши грехи всё разрушили, и что мы недостойны быть избранными Божественной премудростью. Но не бойтесь, будто наши неверности могут сделать нас недостойными милости Божией: ничто не заслуживает её так, как великая нужда. Он пришёл с небес на землю ради грешников, а не ради праведников; Он пришёл искать погибшее. Врач ищет больных, а не здоровых. О, как Бог любит тех, кто смело приходит к Нему в самых грязных и рваных лохмотьях и просит у Него, как у Отца, одежду, достойную Его!

IV. ОБ ОТРЕЧЕНИИ ОТ СЕБЯ

Легко понять, что мы должны отречься от греховных удовольствий, неправедного богатства и грубых суетностей, потому что отречение от всего этого состоит в полном презрении к ним и в полном отказе от всякого их наслаждения. Но гораздо труднее понять необходимость отречения от благ, полученных законным путём, от утешений скромной и честной жизни, наконец, от почестей, связанных с доброй репутацией и добродетелью, возвышающейся над завистью.

Что мешает нам понять необходимость этого отречения, так это то, что от этих благ не нужно отказываться с отвращением, наоборот, их следует сохранять, чтобы употреблять их согласно состоянию, в котором поставила нас Божественная Провидение. Нам нужны утешения спокойной и кроткой жизни, чтобы облегчить бремя нашего положения; в отношении почестей нужно соблюдать приличия; имущество необходимо хранить для нужд. Как же тогда отречься от всего этого, если приходится заботиться о его сохранении?
Вот как: нужно без страсти, умеренно делать всё возможное для их сохранения — не для наслаждения ими, не для того, чтобы привязать к ним сердце, но для умеренного пользования. Я говорю — умеренного пользования, потому что, если мы не привязываемся к вещи с жаждой наслаждения и не ищем в ней счастья, то мы берём от неё только то, что невозможно не взять, как добрый и верный управитель берёт от имения своего господина лишь то, что строго необходимо для настоящих нужд.

Таким образом, способ отречься от дурных вещей — отвергнуть их с отвращением, а способ отречься от добрых — пользоваться ими лишь умеренно и по необходимости, стараясь отказываться от всех мнимых нужд, которыми жаждет польстить себе алчущая природа.
Обратите внимание: нужно отречься не только от дурных, но и от добрых вещей, ибо Христос сказал без всякого ограничения: «Кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» (Лк. 14:33). Итак, каждый христианин должен отречься от всего, что он имеет, даже от самых невинных вещей, потому что они перестанут быть невинными, если он не отречётся от них.

Он должен отречься даже от того, что обязан хранить с большой тщательностью, как, например, от имущества ради семьи или своей репутации, ибо он не должен быть привязан сердцем ни к чему из этого: всё это должно сохраняться лишь ради умеренного и сдержанного пользования. Он должен быть готов потерять всё это всякий раз, когда Провидение пожелает лишить его этого.Он должен даже отречься от тех людей, которых он любит больше всего и которых обязан любить. И вот в чём состоит это отречение: в том, чтобы любить их лишь ради Бога, пользоваться умеренно и по необходимости утешением их дружбы, быть готовым расстаться с ними, когда этого пожелает Бог, и никогда не искать в них самого покоя сердца.

Вот та целомудренность истинной христианской дружбы, которая в земном друге ищет только святого Жениха. В таком состоянии человек пользуется тварным и земным, как будто не пользуется им вовсе (ср. 1 Кор. 7:31), он не хочет наслаждаться, но пользуется только тем, что даёт Бог и что велит любить, и то с той сдержанностью сердца, которое берёт лишь по нужде, сохраняя себя для более достойного объекта. Вот в каком смысле Христос требует, чтобы мы оставили отца, мать, братьев, сестёр и друзей; вот почему Он пришёл принести меч в семью. Бог ревнив: если ваше сердце привязано к какой-либо твари, оно уже недостойно Его; Он отвергает его, как жену, которая делит свою любовь между мужем и чужаком. После того как мы отреклись от всего вне нас, что не есть мы сами, остаётся последнее жертвоприношение — всего, что в нас, и нас самих. Отречение от тела особенно страшно для людей утончённых и мирских. Эти слабые души не знают ничего, что, по их мнению, было бы ближе к ним, чем их тело, которое они лелеют и украшают с таким тщанием. Часто даже те, кто уже разочаровался в телесной привлекательности, сохраняют такую любовь к телесной жизни, что впадают в постыдную трусость и содрогаются при одном упоминании о смерти.

Я думаю, ваша природная отвага достаточно поднимает вас над этими страхами: мне кажется, я слышу, как вы говорите: «Я не желаю льстить своему телу и не колеблюсь отдать его в жертву, когда Бог захочет его поразить и обратить в прах». Но даже если мы отрекаемся от тела, остаются огромные препятствия для отречения от духа. Чем более человек презирает это глиняное тело ради природной храбрости, тем более он склонен ценить то, что носит внутри — настолько, что начинает презирать тело. Он любит свой ум, свою мудрость и добродетель, как светская женщина любит свою красоту: он восхищается собой, гордится тем, что мудр, сдержан, ограждён от суетности других, — и тем самым упивается самой мыслью, что не упивается земным счастьем. Он отказывается от мирских радостей с мужественной сдержанностью, но желает наслаждаться самой этой сдержанностью.

О, как это состояние опасно! Какой тонкий это яд! Как вы изменили бы Богу, если бы предали Ему сердце, заражённое такой изощрённой гордыней! Нужно, значит, отречься от всякого наслаждения и самодовольства, связанного с нашей мудростью и добродетелью.
Бог ревнивее всего к Своим наивысшим дарам, нежели к обыкновенным вещам; Он желает, чтобы мы держались только за Него и привязывались к Его дарам, какими бы чистыми они ни были, лишь настолько, насколько это служит более тесному и глубокому соединению с Ним. Кто смотрит на благодать с удовольствием и чувством собственности — тот превращает её в яд.

Не присваивайте себе ничего, ни внешнего — как, например, благоволение людей, таланты, — ни даже внутренних даров. Ваша добрая воля — не меньший дар милосердия, чем бытие и жизнь, которые исходят от Бога. Живите как будто взаймы: всё, что есть в вас, и всё, чем вы являетесь, — это только доверенное благо. Пользуйтесь этим согласно намерению Того, кто дал, но никогда не распоряжайтесь этим, как будто это ваша собственность. Вот в чём состоит подлинное отречение от самих себя: в духе невладения собой и в простом употреблении самого себя и своего ума — в согласии с движением Божиим, Который есть единственный подлинный Владыка Своего творения.

V. О ПЕЧАЛИ

Что касается определённой печали, сжимающей и подавляющей сердце, вот два правила, которые мне кажутся особенно важными. Первое — лечить эту печаль средствами, которые предоставляет нам Провидение; например, не перегружать себя тяжёлыми делами, чтобы не пасть под бременем, несоразмерным с нашими силами; беречь не только силы тела, но и силы духа, не берясь за то, в чём мы слишком рассчитываем на свою храбрость; оставлять время для молитвы, чтения, воодушевляющих бесед, а иногда и развлечений, чтобы

отдохнули вместе и тело, и ум — сообразно с потребностью. Нужен также кто-то надёжный и тактичный, кому можно излить душу — в том, что не связано с чужими тайнами, — ибо эта исповедь облегчает и расширяет угнетённое сердце. Часто боли, слишком долго скрываемые, раздуваются до разрыва сердца; если бы их выпустить наружу, увидели бы, что они вовсе не заслуживают той горечи, какую вызывают. Ничто так не выводит душу из глубокой темноты, как простота и смирение, с которым человек открывает своё уныние, в ущерб своей славе, прося света и утешения в общении между детьми Божьими.

Второе правило — терпеливо переносить всё невольное воздействие печали, несмотря на всё, о чём мы только что сказали. Внутренние, недобровольные уныния продвигают на пути веры быстрее всего остального, при условии, что они нас не останавливают, и что душа, добровольно не сдавшаяся, не отдаст себя этой печали, которая овладевает всем внутренним как бы насильно. Один шаг в таком состоянии — это всегда шаг великана; он стоит больше, чем тысяча шагов в более лёгком и утешительном расположении. Значит, нужно просто презирать своё уныние и идти вперёд, чтобы сделать это состояние слабости более полезным и великим, чем состояние храбрости и самой героической силы.

О, как обманчив тот чувствительный дух, который всё упрощает, всё делает и всё переносит, который гордится тем, что никогда не колеблется! О, как он питает самодовольство и скрытую гордыню! Этот дух, который иногда чудесно вдохновляет окружающих, внутри поддерживает сладкое самодовольство и одобрение самого себя — это тончайший яд. Человек наслаждается своей добродетелью, довольствуется ею, хочет обладать ею, гордится своей силой.

А вот душа, ослабленная и униженная, которая не находит в себе никакой опоры, которая боится, смущена, печальна до самой смерти — как Иисус Христос в саду, — и которая, как Он на кресте, восклицает: «Боже мой, Боже мой, зачем Ты меня оставил?» (Мф. 27:46) — такая душа гораздо чище, она свободнее от себя, она уничтожена и умерла для всякой личной воли гораздо больше, чем «сильные» души, спокойно вкушающие плод своей добродетели. Блаженна душа, которую смиряет Бог, которую Бог сокрушает, которой Бог отнимает всякую силу в себе, чтобы она держалась только на Нём; которая видит свою нищету и довольна ею; которая несёт, кроме внешних крестов, великий внутренний крест невольного уныния, без которого все прочие не имели бы веса.

VI. О РАССЕЯННОСТИ И О ПЕЧАЛИ

Вы обеспокоены двумя вещами: как избежать рассеянности и как укрепиться против печали. Что касается рассеянности, то избавиться от неё при помощи вынужденных размышлений не удастся. Не надейтесь совершить дело благодати средствами и ухищрениями природы. Доверьте свою волю Богу без остатка и не размышляйте ни о каком страдательном состоянии, которое вы не могли бы принять с преданностью Его Божественному Провидению.

Остерегайтесь заранее вызывать у себя мысли о кресте. Но если Бог позволит им прийти — не вами вызванным — никогда не оставляйте их без пользы. Принимайте, несмотря на сопротивление и отвращение природы, всё, что Бог посылает вашему разуму, как испытание, через которое Он может утвердить вашу веру. Не беспокойтесь о том, будет ли у вас сила выполнить то, что вам сейчас кажется желанным на расстоянии. Когда придёт час испытания, будет дана и благодать. А благодать в момент, когда вы размышляете о будущих крестах, состоит в том, чтобы уже сейчас принять их с доброй волей — на тот час, когда Бог действительно их пошлёт.

Став на это основание, идите спокойно и с доверием. Пока ваша воля не уклонится к чему-либо противному порядку Божию, эта внутренняя готовность сохранится. Ваше воображение

будет метаться среди тысячи пустых предметов, и будет более или менее возбуждённым — в зависимости от того, где вы находитесь и насколько оно потрясено теми или иными сильными или слабыми впечатлениями. Но что с того? Воображение, как говорила св. Тереза, — это безумная в доме: оно не перестаёт шуметь и отвлекать. Даже ум увлекается ею: он не может не видеть те образы, что она ему показывает. Это внимание к образам неизбежно, и хотя оно и есть подлинное рассеяние, всё же, если оно непроизвольно — оно никогда не отрывает от Бога. Лишь рассеянность, происходящая от воли, приносит вред.
Если вы никогда не желаете рассеянности, то вы и не рассеяны, и будет справедливо сказать, что ваша молитва не нарушалась. Каждый раз, когда вы заметите рассеянность, просто оставьте её, не борясь с ней, и мягко повернитесь к Богу без всякого внутреннего напряжения. Когда вы не замечаете своей рассеянности, она не затрагивает сердца. А как только заметите — поднимите глаза к Богу. Ваша верность возвращаться в Его присутствие всякий раз, когда вы осознаете своё состояние, принесёт вам благодать всё более частого пребывания в этом присутствии. Это, если я не ошибаюсь, и есть путь к тому, чтобы Божье присутствие стало для вас привычным.

Такая быстрая и верная отзывчивость — отворачиваться от других предметов всякий раз, когда замечается рассеянность — не может долго пребывать в душе без того, чтобы ей не был дан дар частого и лёгкого внутреннего сосредоточения. Но не нужно воображать, будто можно войти в это состояние своими собственными усилиями. Такое напряжение сделает вас скованным, щепетильным, тревожным как в делах, так и в беседе, где вам нужно быть свободным. Вы будете постоянно бояться, что Божье присутствие ускользнёт от вас, постоянно стремиться его вернуть, и при этом запутаетесь в призраках своего воображения. Так что присутствие Бога, которое своим светом и мягкостью должно облегчить внимание ко всем другим вещам, необходимых нам в Божьем порядке, — напротив, будет вас тревожить и почти сделает вас неспособным к исполнению внешних обязанностей вашего состояния.

Не беспокойтесь, если чувственное присутствие Бога ускользнуло от вас, но прежде всего остерегайтесь желать разумного и поддерживаемого чрезмерными размышлениями присутствия Бога. Будьте довольны в течение дня и в деталях своих занятий общим и внутренним взглядом на Бога, так, чтобы если бы вас спросили, каково состояние вашего сердца, можно было с уверенностью сказать, что оно стремится к Богу, хотя вы в то же время и сосредоточены на каком-то другом деле.

Не тревожьтесь из-за блужданий воображения, которые вы не в состоянии удержать. Часто мы отвлекаемся из-за страха перед отвлечениями, а затем сожалеем, что они случились. Что бы вы сказали человеку, который в путешествии, вместо того чтобы идти вперёд без остановок, тратил бы всё время на предвидение возможных падений, а когда упал — возвращался бы проверить место падения? — Идите! Идите всегда вперёд, сказали бы вы ему. Так же говорю и я: идите, не оглядываясь назад и не останавливаясь. Идите, как говорит апостол, чтобы пребывать в изобилии. Изобилие Божьей любви исправит вас больше, чем ваши тревоги и поспешные самонаблюдения.

Это правило просто, но природа, привыкшая делать всё через чувства и размышления, находит его чрезмерно простым. Мы хотим помочь себе сами и придать себе больше движений; но именно поэтому это правило хорошо: оно держит в состоянии чистой веры, где уповаешь только на Бога, которому отдаёшься и умираешь для себя, устраняя всё, что есть в себе. Таким образом, не умножаются внешние практики, которые могли бы мешать очень занятым людям или вредить здоровью; все они сводятся к любви — но простой любви; и тогда делаешь только то, что делает любовь; так что никогда не перегружен, потому что несёшь только то, что любишь. Это правило, правильно понятое, достаточно также для исцеления от печали.

Часто печаль приходит от того, что, ища Бога, мы не чувствуем Его достаточно, чтобы быть довольными. Хотеть почувствовать Бога — не то же, что хотеть обладать Им; это желание удостовериться для себя, ради собственного утешения, что мы Его имеем. Обессиленная и унылая природа стремится выбраться из состояния чистой веры, где нет никакой опоры; она словно висит в воздухе, хочет ощутить свой прогресс. Видя свои грехи, гордость огорчается, и это гордое огорчение принимают за чувство покаяния. Из-за самолюбия хочется получать удовольствие от того, что видишь себя совершенным; ругаешь себя за несовершенство; становишься нетерпелив, надменен и раздражён на себя и других. Ужасная ошибка! Как будто дело Божье может быть исполнено нашим огорчением! Как будто можно соединиться с Богом мира, теряя внутренний покой.

«Марфа! Марфа! — говорит Христос, — зачем ты тревожишься и суетишься о многих вещах для служения Мне? Одно нужно — любить Его и внимательно сидеть у Его ног». Когда человек действительно предан Богу, всё совершается без излишних усилий, он спокойно пускается вести себя с доверием; на будущее он желает без оговорок всего, чего Бог пожелает, и закрывает глаза, чтобы не предвидеть ничего лишнего; но при этом в настоящем старается исполнять Его волю.

На каждый день достаточно своей заботы и радости. Ежедневное исполнение воли Божией — это наступление Его Царства внутри нас и одновременно наш ежедневный хлеб. Казалось бы, что неверно и грешно проявлять языческое недоверие, пытаясь заглянуть в будущее, которое Бог скрывает от нас; мы оставляем это Ему; пусть Он делает его сладким или горьким, коротким или долгим; да творит всё, что Ему угодно. Самая совершенная подготовка к любому будущему — умереть для всякой собственной воли и полностью отдаться воле Божией. Как манна имела все вкусы, так это общее расположение включает все благодати и все чувства, соответствующие любым состояниям, в которых Бог может поставить нас впоследствии.

Когда человек так готов ко всему, именно на этом дне бездны он начинает ставить ногу, он так же спокоен насчёт прошлого, как и насчёт будущего. Он предполагает о себе всё худшее, что можно предположить, но слепо бросается в объятия Божии, забывает себя, теряется, и это самое совершенное покаяние — забытьё о себе, потому что вся перемена (превращение) сводится к отказу от себя ради того, чтобы заняться Богом. Это забытьё — мученичество самолюбию; человек предпочёл бы сотни раз противоречить себе, осуждать себя, мучить тело и дух, чем забыть себя.

Это забытьё — уничтожение самолюбию, где оно не находит никакой опоры. Тогда сердце расширяется; наступает облегчение, когда сбрасываешь с себя всю тяжесть самого себя, которой был обременён, и поражаешься тому, как прям и прост путь. Считалось, что нужно постоянное напряжение и всегда какое-то новое действие; наоборот, понимаешь, что делать надо мало, и достаточно без размышлений ни о будущем, ни о прошлом доверчиво смотреть на Бога, как на доброго отца, который ведёт нас за руку в настоящий момент. Если какое-то отвлечение уводит взгляд, не останавливаясь на нём, поворачиваешься обратно к Тому, от Кого отклонился. Если совершаешь ошибки — исполняешь покаяние, целиком состоящее из любви; возвращаешься к Богу, и Он даёт почувствовать то, что хочет.

Грех кажется отвратительным, но смирение, которое за ним следует и ради которого Бог его допустил, кажется добрым. Чем горче, тревожнее и печальнее размышления гордости о своих грехах, тем более сосредоточенным, мирным и поддерживаемым доверием является возвращение души к Богу после ошибок. Вы почувствуете на опыте, насколько простой и спокойный возврат облегчает исправление больше, чем вся ваша досада на преобладающие над вами пороки. Будьте лишь верны простому повороту к одному Богу всякий раз, когда замечаете свои грехи. Сколько бы вы ни спорили с собой — мерить себя

вы должны не с собой. Когда вы ругаете себя за свои беды, в вашем совете лишь вы и только вы сами. Какой бедный совет, где Бога нет!

Кто протянет вам руку, чтобы вывести из трясины? Вы ли? Ах, вы сами и есть в ней, и не можете выбраться. Более того — эта трясина — вы сами; корень вашего зла в том, что не можете выйти из себя. Надеетесь ли выйти, продолжая постоянно разговаривать с собой и подпитывая свою чувствительность созерцанием своих слабостей? Вы лишь сожалеете о себе в этих бесконечных поворотах. Но малейший взгляд на Бога успокоил бы ваше смущённое самоуглублением сердце. Его присутствие всегда вырывает из самого себя, и это именно то, что вам нужно. Выйдите из себя — и обретёте покой.

Но как выйти? Нужно лишь мягко поворачиваться лицом к Богу и постепенно привыкать к этому, верно возвращаясь к Нему всякий раз, когда замечаете отвлечение. Что касается естественной печали, вызванной меланхолией, она исходит только от тела, и потому питание и лекарства уменьшают её. Правда, она всегда возвращается, но не по своей воле. Когда Бог даёт её, её терпят с миром, как лихорадку и другие телесные недуги. Воображение погружено в глубокую тьму, оно напряжено в трауре; но воля, питающаяся лишь чистой верой, согласна испытывать все эти впечатления, и потому человек пребывает в мире — потому что он, прежде всего, в мире с самим собой и покорен Богу.

Не важно, что ощущаешь — важно, чего хочешь. Хочется принять всё, что есть, и не желать того, чего нет. Не хочешь сам избавляться от того, что терпишь, потому что только Бог распоряжается крестами и утешениями. Человек пребывает в радости среди скорбей, как говорит апостол; это не радость чувств, а радость чистой воли. Нечестивые среди наслаждений имеют скованную волю, потому что они никогда не довольны своим положением; они хотели бы избавиться от некоторых отвращений и вновь вкусить некоторые сладости, которых им не хватает.

Напротив, верная душа имеет волю, ничем не сковываемую: она свободно принимает всё, что Бог ей даёт болезненного; она этого хочет, любит и обнимает, и не пожелала бы отказаться от этого, даже если бы это стоило ей единственного желания, противного её полному преданию Провидению, которое она никогда не желает опережать. Если что и может дать сердцу широту и свободу — это именно это предание себя. Оно изливает в сердце мир обильнее рек и справедливость, как бездны моря — как говорит пророк Исаия. Если что может сделать дух спокойным, развеять его мрачные сомнения и страхи, смягчить скорби через помазание любви, дать силу во всех его действиях и излить радость Святого Духа даже на лицо и речь — это простое, свободное и детское поведение в объятиях Бога.

Но люди слишком много рассуждают и портят всё этим чрезмерным размышлением. Есть искушение рассуждением, которого следует бояться, как и других искушений. Существует беспокойное и подозрительное самоуглубление, которое искушает особенно тонко, потому что не воспринимается как искушение; наоборот, человек всё глубже погружается в него, принимая его за ту бдительность, какую заповедует Евангелие. Внимательность, которую приказывает Иисус Христос — это верное стремление всегда любить и исполнять Божью волю в настоящий момент, руководствуясь знаками, какие имеешь; но это не состоит в том, чтобы быть встревоженным, мучить себя и постоянно заниматься собой вместо того, чтобы возносить глаза к Богу, от Кого исходит наша единственная помощь против самих себя.

Почему же под предлогом бдительности упорно искать в себе то, чего Бог не хочет, чтобы мы видели в этой жизни? Почему терять плод чистой веры и внутреннего мира? Почему отворачиваться от Божьего присутствия, которое Он хочет сделать постоянным? Не сказано: «Будьте всегда сами собой предметом, перед Которым вы идёте», но сказано: «Идите предо Мною, и будете совершенны». Псалмопевец, исполненный Божьего Духа, сказал: «Я всегда

видел Господа перед собою» и ещё: «Очами моими постоянно возношу взор к Господу, чтобы Он хранил мои ноги от сетей». Опасность у его ног, но глаза устремлены вверх; полезнее смотреть не на опасность, а на Божью помощь. К тому же, всё сосредоточено в Боге: в одном взгляде души прямой и чистой, как бы простом, можно увидеть всё — и человеческую нищету, и Божью доброту — в той бесконечной светлости. Что же мы можем увидеть в собственной тьме, кроме собственной тьмы?

О, Боже мой, если только я не перестану видеть Тебя, я никогда не перестану видеть себя во всей своей нищете, и увижу себя лучше в Тебе, чем в самом себе. Истинная бдительность — видеть в нас Твою волю, чтобы её исполнять, а не бесконечно рассуждать о состоянии своей собственной. Когда внешние занятия помешают видеть Тебя одного, закрывая доступ моим чувствам во время молитвы, по крайней мере тогда, Господи, я увижу Тебя, делающего всё во всех. Я буду с радостью видеть Твою волю, исполняемую и во мне, и вне меня; я буду постоянно говорить «аминь», как блаженные; я буду всегда петь в сердце песнь небесной Сиона; я буду благословлять Тебя даже в нечестивцах, которые своей злой волей, тем не менее, исполняют Твою справедливую, святую и всемогущую волю.

В целом свободный дух, который Ты даёшь Своим детям, побуждает меня поступать и говорить просто, радостно и с уверенностью: «Если бы я и шел через долину смертной тени, не убоюсь зла, ибо Ты со мной»[1]. Я никогда не буду искать опасностей и не приму никакого дела, если не увижу знаков Твоего Провидения, которые станут моей силой и утешением. В том состоянии, которое Ты поддерживаешь в моём призвании, я посвящу молитве, уединению и созерцанию всё свободное время — дни, часы, минуты. Я никогда не покину это блаженное состояние, разве что Ты призовёшь меня к какой-либо внешней деятельности.

Тогда я, казалось бы, выйду от Тебя, но Ты выйдешь со мной и, в этом видимом уходе, будешь нести меня в Своих объятиях. Я не стану искать себя среди творений и не боюсь, что уединение ослабит моё общение с ними и иссушит мою беседу, потому что я хочу угождать людям лишь настолько, насколько это нужно, чтобы угодить Тебе. Если Ты хочешь использовать меня для Своего дела среди них, я предаюсь Тебе без размышлений о себе, просто изолью на них всё, что Ты излил через Свои дары во мне; я не буду ходить на ощупь, постоянно возвращаясь к себе, как бы ни была эта служба опасна и отвлекающа, я буду вести себя просто пред Тобой, с искренним намерением, зная, как благ доб Отец, пред Которым иду, и что Он не желает хитростей от Своих.

Если же Ты не хочешь использовать меня для других, я не стану предлагать себя, не буду идти навстречу чему-либо; спокойно выполню всё прочее, чему Ты меня ограничишь; ибо в той мере, в какой Ты даёшь мне дух предания, я не желаю и не отвергаю ничего, я готов ко всему и соглашаюсь быть бесполезным во всём. Исканный или отвергнутый, познанный или незамеченный, восхваляемый или противоречивый — что мне до этого? Я ищу Тебя, а не себя, Тебя и не Твои дары, которые отделены от Тебя и Твоей любви. Все состояния мне безразличны, лишь бы я был там, где Ты хочешь меня видеть.

VII. Как надо бдительно следить за собой

Что касается способа следить за собой, не увлекаясь чрезмерно этим, то вот что мне кажется практичным. Мудрый и бдительный путник внимательно смотрит на каждый свой шаг и всегда держит глаза открытыми на участок пути непосредственно перед собой; но он не оглядывается постоянно назад, чтобы пересчитать все свои шаги и проверить следы — он потеряет время на продвижение вперёд. Душа, которую Бог истинно ведёт за руку (ибо я не говорю о тех, кто ещё учится ходить и всё ещё ищет путь), должна бодрствовать над своим путём, но с простой, спокойной бдительностью, сосредоточенной на настоящем, без тревог, вызванных любовью к себе. Это непрерывное внимание к воле Божьей, чтобы

исполнять её в каждый момент, а не возвращение к себе для уверенности в своём состоянии в то время, как Бог желает, чтобы мы оставались в неведении. Поэтому псалмопевец говорит: «Глаза мои возведены к Господу, Он избавит ноги мои из сети». Псалом 24:15 (Пс. 25:15 в некоторых переводах)

Обратите внимание: чтобы вести ноги надёжно по пути, полном ловушек, вместо того чтобы смотреть вниз и внимательно проверять каждый шаг, он возводит глаза к Господу. Мы не можем лучше следить за собой, чем когда идём с Богом перед глазами — как Он повелел Аврааму. И наконец, к чему должна привести вся наша бдительность? К точному следованию воле Божьей. Кто во всём ей соответствует, тот следит за собой и святится во всём. Итак, если бы мы никогда не теряли присутствия Божьего, мы бы постоянно бодрствовали над собой, но с простой, любящей, спокойной и бескорыстной бдительностью — в отличие от той бдительности, которую ищут для самоподтверждения, а которая жёсткая, тревожная и эгоистичная. Мы должны идти не по своему собственному свету, а по свету Божьему. Невозможно видеть святость Божью, не испытывая отвращения к своим малейшим прегрешениям.

Конечно, к присутствию Божьему и внутреннему собранию добавляются осмотры совести, по мере необходимости, чтобы не расслабляться и облегчить исповедь. Но эти осмотры совести делаются всё более простым, лёгким способом и без тревожного возвращения к себе. Мы рассматриваем себя не ради собственной выгоды, а чтобы согласовать свои поступки с волей Божьей. Кроме того, мы предаёмся в Его руки и чувствуем себя так же спокойно, как были бы расстроены, если бы оказались в своих собственных руках. Мы не желаем видеть того, что Он решил скрыть. Любя Его бесконечно больше, чем себя, мы жертвуем Себя в Его благой воле без условий; мы думаем лишь о том, чтобы любить Его и забыть себя. Кто так щедро теряет свою душу, тот обретёт её для вечной жизни.

VIII. О ХРИСТИАНСКОМ СОВЕРШЕНСТВЕ

Христианское совершенство не имеет тех суровостей, скуки и принуждений, которые обычно себе представляют. Оно требует, чтобы человек был принадлежал Богу от всего сердца, и как только человек так отдан Богу, всё, что он делает для Него, становится лёгким. Те, кто принадлежат Богу безраздельно, всегда довольны, потому что они хотят только того, чего хочет Бог, и желают делать для Него всё, что Он пожелает. Они отрекаются от всего и находят в этом отречении стократное воздаяние. Мирская совесть находит покой, сердце — свободу, нежность — в том, чтобы отдаться в руки Божьи, радость — в постоянном возрастании света в душе; наконец, освобождение от страха и деспотичных желаний мира приносит истинным детям Божьим стократное счастье даже среди крестов, если они остаются верны.

Они приносят жертвы, но тому, что любят больше всего; они страдают, но желают страдать и предпочитают страдания всем ложным радостям. Тела их терпят мучительные болезни, воображение терзается, дух ослабевает и падает; но воля в самой глубине остаётся твёрдой и спокойной, она непрестанно говорит «аминь» всем ударам, которые Бог посылает, чтобы пожертвовать собой.Что Бог требует от нас — это воля, которая не разделена между Ним и какой-либо тварью; это простая воля в Его руках, желающая только того, чего желает Бог, и отвергающая всё, что Он отвергает; она безусловно хочет всего, что Бог хочет, и никогда ни под каким предлогом не желает того, чего Он не желает. Когда человек пребывает в таком состоянии, всё становится спасительным; даже развлечения, принятые с таким духом, обращаются в добрые дела. Счастлив тот, кто отдал себя Богу!

Он освобождён от страстей, от суждений людей, от их злобы, от тирании их максим, от их холодных и жалких насмешек, от несчастий, которые мир приписывает судьбе, от неверности и непостоянства друзей, от коварств и ловушек врагов, от собственной немощи,

от бедности, от краткости жизни, от ужасов светской смерти, от мучительных угрызений совести за преступные удовольствия и наконец от вечного осуждения Божьего. Христианин освобождён от этого бесчисленного множества бед, потому что, положив свою волю в руки Божьи, он желает только того, чего хочет Бог, и находит таким образом утешение через веру и, следовательно, через надежду посреди всех своих скорбей. Какое бы это было бы слабое дело — бояться отдаться Богу и слишком рано взяться за такое желанное состояние!

Счастливы те, кто бросается в объятия Отца милосердия и Бога всякого утешения, как говорит святой Павел, с закрытыми глазами и со смиренной душой. Тогда он ничего не желает, кроме как познать, что он должен Богу, и ничего не боится больше, чем не увидеть достаточно ясно Его требований. Как только открывается новая светлая сторона Божьего закона, человек ликует, словно скупец, нашедший сокровище. Истинный христианин, каким бы несчастьем ни наградила его Провидение, желает всего, что происходит, и не желает ничего из того, чего у него нет; чем больше он любит Бога, тем больше он доволен. И высшее совершенство, вместо того чтобы тяготить, облегчает его ярмо. Какое безумие бояться быть слишком преданным Богу!

Это значит бояться быть слишком счастливым, иметь слишком много мужества в неизбежных крестах, слишком много утешения в любви Божьей и слишком сильное отречение от страстей, которые делают несчастными. Презирать же мирские вещи, чтобы быть всем для Бога. Я не говорю, что нужно их совсем оставить, потому что, будучи уже в честной и упорядоченной жизни, достаточно лишь изменить глубину сердца, полюбив — и мы почти будем делать то же, что и прежде, чтобы служить и угождать миру и самим себе. Разница будет только в том, что, вместо того чтобы быть пожираемыми гордыней, тиранническими страстями и злобной критикой мира, мы будем действовать свободно, мужественно, с надеждой на Бога; уверенность будет нас вдохновлять, ожидание вечных благ, которые приближаются, пока земные ускользают, поддержит нас среди скорбей; любовь к Богу, которая заставит нас почувствовать Его любовь к нам, даст нам крылья, чтобы летать по Его пути и возвышаться над всеми нашими бедами.

Если нам трудно в это поверить, опыт убедит нас. «Придите, посмотрите и вкусите, как благ Господь» — говорит Давид. Псалом 33:9. Сын Божий говорит всем христианам без исключения: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, возьми крест свой и следуй за Мною». Матфея 16:24. Широкий путь ведёт к погибели; нужно идти узкой дорогой, куда входит малое число. Только те, кто борется с собой, могут наследовать Царство Небесное. Нужно родиться свыше, отказаться от себя, возненавидеть себя, стать как дети, быть нищими духом, плакать, чтобы утешиться, не быть от мира, который проклят из-за своих соблазнов. Эти истины пугают многих, потому что они знают только то, что религия заставляет делать, но не понимают того, что она предлагает; они не знают духа любви, который всё облегчает. Они не ведают, что эта религия приводит к высочайшему совершенству, даруя мир через принцип любви, который смягчает все беды. Те, кто принадлежат Богу без разделения, всегда счастливы.

Они чувствуют, что иго Иисуса Христа — лёгкое и милостивое; что в Нём находится покой души; и что Он облегчает бремя усталых и обременённых, как Сам обещал. Матфея 11:28-30. Но как тяжело тем душам, которые слабы и робки, раздвоены между Богом и миром! Они хотят и не хотят одновременно. Их разрывают страсти и угрызения совести; они боятся и Божьих судов, и людских осуждений. Они страдают от тягот добродетели, но не вкушают её утешений. Ах, если бы у них хватило мужества презирать пустые слова, холодные насмешки и дерзкие упрёки людей — какую бы мирную радость они испытывали в лоне Божием! Как опасно для спасения, как недостойно Бога и нас самих и как вредно для мира сердца — оставаться навсегда там, где мы есть! Вся наша жизнь дана, чтобы идти большими шагами к небесной Родине. Мир ускользает, как обманчивая тень, а вечность уже приближается,

чтобы принять нас. Зачем же мы медлим идти, когда свет Отца милосердия освещает наш путь? Поспешим войти в Царство Божие.
Первой и единственной заповеди закона достаточно, чтобы в один миг развеять все предлоги, которые душа могла бы привести, чтобы оставить себе «запас» перед Богом. «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всей душой твоей, всей крепостью твоей, всем разумением твоим». Марка 12:30. Посмотрите, сколько слов собрал вместе Святой Дух, чтобы предупредить все оговорки, которые душа могла бы позволить в ущерб этой ревнивой любви, — не только всей широты и всей силы сердца, но и всей сосредоточенности мысли. Как же можно утверждать, что любишь, если не можешь решиться думать о Его законе и тут же исполнять Его святую волю? Те, кто боятся слишком ясно видеть, что требует эта любовь, далеки от той бдительной и усердной любви.

IX. О ПРИСУТСТВИИ БОГА

Истинный источник нашего совершенства заключён в словах, которые Бог однажды сказал Аврааму: «Ходи передо Мною и будь непорочен». Бытие 17:1. Присутствие Бога успокаивает дух, дарует спокойный сон и отдых даже днём, посреди всех забот; но необходимо быть Богу без остатка. Когда человек нашёл Бога, ему больше нечего искать в людях; нужно пожертвовать даже своими лучшими друзьями. Истинный друг — внутри сердца, это жених, который ревнует и отгоняет всё прочее. Не требуется много времени, чтобы полюбить Бога, обновиться в Его присутствии, вознести к Нему сердце или поклониться Ему в глубине души, чтобы предложить Ему то, что мы делаем и что терпим: вот настоящее царство Божие внутри нас, которое ничто не может потревожить. Лука 17:21
Когда рассеянность чувств и оживлённость воображения мешают душе собраться тихо и деликатно, достаточно успокоиться прямотой воли: тогда желание собранности — это своего рода собранность, которая достаточна.

Нужно обратиться к Богу и делать с правильным намерением всё, что Он хочет, чтобы мы делали. Надо стараться пробуждать в себе время от времени желание быть принадлежным Богу всей полнотой сил души — то есть ума для признания и размышления о Нем и воли для любви к Нему. Пусть наши внешние чувства также будут посвящены Ему во всех своих действиях. Следует беречься того, чтобы не быть слишком долго добровольно занятым, вне или внутри, вещами, которые так сильно отвлекают сердце и ум и так тянут их прочь из себя, что они с трудом возвращаются к Богу.

Как только мы чувствуем, что какой-то чуждый предмет доставляет нам слишком много удовольствия или радости, нужно отделять от него сердце и, чтобы не дать ему найти отдых в создании, сразу же представлять ему его истинный объект — высшее благо, которым является сам Бог. Если мы будем верны тому, чтобы внутренне разорвать связь с тварями — то есть не допускать, чтобы они проникали в глубину души, которую Господь оставил Себе для обитания, уважения, поклонения и любви — мы скоро испытаем чистую радость, которую Бог непременно дарует душе, свободной и освобождённой от всякой человеческой привязанности. Когда мы замечаем в себе нетерпеливые желания чего бы то ни было, и видим, что наш нрав слишком деятельно стремится ко всему, что надо сделать — даже к произнесению слова, взгляду на предмет, действию, — остановимся сразу и усмирим поспешность мыслей и суету поступков, ведь Бог Сам сказал, что Его дух не живёт в смятении.

Берегитесь не принимать на себя чрезмерно всего, что говорят и делают, и не наполнять себя чрезмерно этим, ибо это — большой источник отвлечений. Как только мы узнаем, что Бог от нас требует в каждой представшей вещи, ограничимся этим и отделимся от всего остального. Так мы всегда будем хранить в душе внутреннюю свободу и спокойствие и избавим сердце от множества ненужных вещей, мешающих легко поворачиваться к Богу. Отличное средство сохранять внутреннее уединение и свободу духа — заканчивать каждое

действие, оставляя позади возвраты любви к себе, то есть, то и другое: суетную радость или печаль. Счастлив тот, у кого в уме остаётся только необходимое и кто думает о каждой вещи в своё время, так что скорее Бог пробуждает впечатления от воли, которую надо исполнить, чем ум сам беспокоится предвосхищать и искать их.

Наконец, привыкнем напоминать себе о Боге в течение дня и в ходе наших занятий простым взглядом на Него. Так мы успокоим все движения сердца, когда увидим, что оно встревожено. Отделимся от всего, что не исходит от Бога. Избавимся от ненужных мыслей и мечтаний. Не произносим пустых слов. Ищем Бога внутри себя — и мы непременно найдём Его, а с Ним — радость и мир. В наших внешних занятиях будем ещё более заняты Богом, чем всем остальным. Чтобы хорошо их выполнять, нужно делать их в Его присутствии и делать все для Него. При виде Божьей славы наш внутренний мир должен успокоиться и оставаться тихим. Однажды слово Спасителя мгновенно успокоило бушующее море; взгляд Его на нас и наш взгляд на Него мог бы делать то же самое каждый день.

Нужно часто возносить сердце к Богу: Он очистит его, просветит и направит. Это была ежедневная практика святого пророка Давида. Он говорил: «Господь всегда предо мною». Псалом 15:8. Повторим ещё слова того же пророка: «Кого мне искать на небе и на земле, если не Тебя, о Боже мой! Ты — Бог сердца моего и мое единственное наследство вовек». Псалом 72:25. Не стоит ждать свободного времени, чтобы закрыть дверь; момент, который заставляет сожалеть о нехватке уединения, может быть и моментом для его практики. Нужно поворачивать сердце к Богу просто, непринуждённо и с доверием. Самые короткие перерывы подходят для этого всегда — даже во время еды или когда слушаешь других.

Бесполезные и скучные разговоры вместо того, чтобы утомлять, дают передышку и свободу сосредоточиться. Так всё оборачивается к добру для тех, кто любит Бога. Нужно читать столько, сколько требует вкус и потребность, но с частыми перерывами, чтобы дать место внутреннему духу, который ведёт к собранию души. Два простых слова, полных духа Божьего, — это скрытая манна. Слова забываются, но тайно действуют, душа питается ими и становится сильнее.

X. О соответствии воле Божьей

Для соответствия воле Божьей вы найдёте разные замечательные главы в «О Подражанию Иисусу Христу», также чтение святого Франциска де Сальского будет для вас очень полезным. Вся добродетель по существу состоит в доброй воле. Это то, что Иисус Христос хотел донести, говоря: «Царство Божие внутри вас» (Лука 17:21). Не важно, много ли знаешь, есть ли большие таланты или совершаешь ли великие дела — нужно лишь иметь сердце и любить. Внешние дела — это плоды и последствия любви, а источник добрых дел — в самом сердце. Есть добродетели, подходящие для разных состояний и времен. Одни удобны в одном периоде, другие — в другом. Но добрая воля нужна всегда и везде. Хотеть всего, чего хочет Бог, и хотеть этого всегда, для всех и без всяких оговорок — вот это и есть то Царство Божие, которое внутрь нас. Именно через это Его царство приходит, когда Его воля исполняется на земле так же, как на небе, и мы уже не желаем ничего, кроме того, что Его суверенная воля вкладывает в нашу.

Блаженны нищие духом! Блаженны те, кто избавляются от всего и даже от своей собственной воли, чтобы больше не принадлежать себе! О, как же человек беден духом и в глубине себя, когда он больше не принадлежит самому себе и снял с себя всё, что противно Богу! Но как становится добрая воля? Она становится таковой, когда безоговорочно согласна с волей Божьей. Хотят всего, чего хочет Он, и ничего из того, чего Он не хочет. Человек присоединяет свою слабую волю к Всемогущей воле, которая всё творит. Таким образом, уже ничего не может произойти, чего бы мы не хотели, ведь не может случиться ничего, кроме того, чего хочет Бог. И в Божьем благоволении мы находим неисчерпаемый

источник мира и утешения. Внутренняя жизнь — это начало блаженного мира святых, которые вечно говорят: «Аминь!» Мы поклоняемся, восхваляем и благословляем Бога всем сердцем; видим Его повсюду, и Его отцовская рука — единственный объект нашего внимания.

Больше нет зла, ибо всё, даже самые тяжкие страдания, которые мы терпим, обращается во благо, как сказал святой Павел, для любящих Бога (Римлянам 8:28). Можем ли мы назвать злом те испытания, которые Бог посылает нам для очищения и чтобы сделать нас достойными Себя? То, что приносит нам такую пользу, не может быть злом. Отложим все наши заботы в лоно Отца милосердного; пусть Он поступает, как пожелает. Довольно следовать Его воле во всём и соединять свою волю с Его, чтобы перестать принадлежать самому себе. Несправедливо иметь что-либо для себя, когда мы не принадлежим сами себе. Рабу ничего не принадлежит; тем более творению, которое изначально состоит из небытия и греха и в котором всякий дар — чистая благодать, ничего не должно принадлежать по праву собственности.

Бог дал нам свободную волю, способную обладать собой, чтобы через этот дар побудить нас к более великодушному отречению. У нас нет ничего своего, кроме нашей воли; всё остальное нам не принадлежит. Здоровье и жизнь уходит с болезнью, богатства отнимают силой, таланты зависят от состояния тела. Единственное, что по-настоящему наше — это наша воля. Именно она предмет Божьей ревности, потому что Он дал её нам не для того, чтобы мы сохраняли её и оставались её владельцами, но чтобы отдать Ему целиком и без остатка, как получили. Кто оставляет хотя бы малейшее желание или сопротивление «в собственности» — совершает кражу у Бога, нарушая порядок творения. Увы, сколько же душ владеют собой и хотели бы творить добро и любить Бога, но по-своему, по своему желанию! Они хотят служить Богу и владеть Им, но не хотят отдаваться Ему и позволять Ему владеть собой.

Какая же сопротивляемость не встречается у Бога в душах, которые, казалось бы, так полны усердия и ревности! Несомненно, что в каком-то смысле их духовное изобилие становится им препятствием; потому что они всё имеют, даже добродетели, во владении и постоянно ищут себя в этом добре. О, как же превосходит все эти пылкие и светлые души та, которая действительно бедна духом, полностью отреклась от своей собственной жизни и всех своих естественных движений, которая отреклась от всякой воли, чтобы хотеть только того, что Бог делает хотеть ей в каждый момент согласно законам Его Евангелия и ходу Его провидения! Вот глубокий смысл слов Иисуса Христа, взятых в их полной широте: «Если кто хочет идти за Мной, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мной» (Мф. 16:24).

Нужно идти за Иисусом Христом шаг за шагом, а не прокладывать к Нему свой путь. Идти за Ним — значит отрекаться от себя. Что значит отречься от себя, если не отказаться от всякого права на себя без всяких оговорок? Святой Павел говорит нам: «Вы уже не свои» (1 Кор. 6:19) — нет ничего в нас, что принадлежало бы нам. Горе тому, кто после того, как отдал себя, снова пытается удержать себя! Молимся Отцу милосердия и Богу всякого утешения, чтобы Он вырвал из нас наше собственное сердце и не оставил нам ни малейшей его части. Это требует большой жертвы в таком болезненном действии: нелегко позволить Богу делать с нами всё, что Он хочет, и оставаться под Его властью, когда Он режет до самой глубины. Но это — терпение святых и жертва чистой веры. Давайте позволим Богу делать с нами всё, что Он пожелает, без малейшего сопротивления ни на мгновение. Будем бдительны в Его присутствии, чтобы избегать малейших грехов и не огорчать Святого Духа, ревнующего о каждом внутреннем нашем движении.

Пользуйтесь ошибками, которые вы сделаете, с чувством смирения и осознанием своей немощи, но без уныния и усталости. Хотеть служить Богу в одном месте, а не в другом, идти

по своему пути, а не по Его — значит хотеть служить Ему по-своему, а не по Его. Но быть одинаково готовым ко всему, хотеть всего и не хотеть ничего своего, позволять Себе быть игрушкой в руках Провидения, не ставить никаких границ этому послушанию — так служить Ему, отрекаясь от себя, так истинно относиться к Нему как к Богу, а к себе — как к созданию, созданному только для Него. О, как были бы мы счастливы, если бы Он посылал нам самые тяжёлые испытания лишь для того, чтобы мы прославляли Его хоть в малейшей мере! Для чего же мы годны, если Тот, Кто нас создал, всё ещё находит в нашем сердце сопротивление или какие-либо оговорки, хотя это Его произведение?

Откроем же наше сердце, но откроем без меры, чтобы Бог и Его любовь вошли в него без меры, словно поток. Не бойтесь ничего на пути, по которому идёте: Бог поведёт нас за руку, если мы не будем сомневаться и если будем наполнены Его любовью больше, чем страхом по отношению к себе.

XI. ОБЩИЕ НАСТАВЛЕНИЯ ДЛЯ ОБРЕТЕНИЯ ВНУТРЕННЕГО МИРА

Никогда не будет мира для тех, кто противится Богу: если в мире и есть какая-то радость, она предназначена для чистой совести; вся земля — место скорби и тревоги для нечистой совести. О, как же отличается мир, исходящий от Бога, от мира, исходящего от века! Он усмиряет страсти, сохраняет чистоту совести; он неразрывно связан с праведностью; он соединяет с Богом; он укрепляет нас против искушений. Эта чистота совести поддерживается через частое участие в Таинствах. Искушение, если оно не побеждает нас, всегда приносит плоды. Мир души состоит в полном покорении воле Божьей. «Марфа, Марфа, ты заботишься и тревожишься о многих вещах; но одна только необходима» (Лук. 10:41-42). Истинная простота, внутреннее спокойствие — плод полного предания всего тому, что хочет Бог, терпение и терпимость к недостаткам ближних, вдохновляемые присутствием Бога, искренность и детская послушность — способность признавать свои ошибки, желать исправиться и подчиняться советам опытных людей — вот крепкие и полезные добродетели, которые помогут тебе освятиться.

Твои переживания и страдания из-за множества вещей происходят оттого, что ты не принимаешь с достаточной преданностью всё, что может с тобой случиться. Поэтому положи всё в руки Божии и в своем сердце заранее совершай полный жертвенник всему происходящему. С того момента, как ты перестанешь хотеть что-либо по своему собственному разумению и без оговорок возжелаете всё, что пожелает Бог, у тебя не будет столько беспокойных размышлений и колебаний о себе; у тебя не будет ничего скрывать и беречь. До тех пор ты будешь раздражителен, непоследователен в своих взглядах и вкусах, легко недоволен другими, в разногласии с самим собой, полон сомнений и недоверия; твой здравый рассудок, пока не будет глубоко смирён и прост, будет лишь мучить тебя; твоя набожность, хотя и искренняя, принесёт тебе меньше поддержки и утешения, чем упрёков изнутри. Если же ты отдашь всё своё сердце Богу, ты будешь спокоен и наполнен радостью Святого Духа.

Как же не отдать всю свою любовь Богу, Который первым возлюбил нас? Который любит нас нежной любовью, как отец, жалеющий своих детей, знает их крайнюю хрупкость и глину, из которой их слепил. Он искал нас на наших собственных путях — путях греха; Он бежал, как пастух, утомлённый в поисках заблудшей овцы. Он не остановился на поиске: найдя нас, Он взял на Себя наши болезни и немощи; Он был послушен даже до смерти на кресте. Можно также сказать, что Он любил нас до смерти на кресте, и мерил свою послушность мерой своей любви. Когда эта любовь полно наполняет душу, она испытывает мир совести; она довольна и счастлива; ей не нужны ни величие, ни слава, ни удовольствия — всё то, что уходит вместе с временем, не оставляя следа. Она хочет только воли Божьей и постоянно бодрствует в радостном ожидании своего Жениха.

XII. ОБ ОТДАНИИ СЕБЯ БОГУ

Желаю вам всех благ, которые вы должны искать в уединении; главное — это мир, который приходит от простой жизни, в которой мы никогда не смотрим на будущее с чрезмерной тревогой. Будущее принадлежит Богу, а не вам. Бог устроит его должным образом, согласно вашим нуждам. Но если вы хотите постичь это будущее своим собственным разумом, вы получите лишь тревогу и заботу о неизбежных бедах. Просто задумайтесь о том, чтобы использовать каждый день по максимуму: у каждого дня есть свои блага и свои беды, так что беды зачастую обращаются в блага, если только мы позволяем Богу действовать и не забегаем вперёд с нетерпением. Тогда Бог даст вам столько времени, сколько потребуется, чтобы прийти к Нему. Он, возможно, не даст вам столько времени, сколько вы бы хотели, чтобы заняться своими предпочтениями и жить по своему усмотрению под предлогом совершенства; но времени и возможностей отказаться от себя и своих склонностей у вас не будет недостатка. Любое другое время сверх этого — потеря, каким бы полезным оно ни казалось. Будьте уверены, что вы найдёте в этих вопросах благоприятные условия для ваших истинных нужд, потому что насколько Бог будет изменять ваши склонности, настолько Он будет поддерживать вашу слабость; не бойтесь и позвольте Ему действовать.

XIII. ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ВРЕМЕНИ

Я понимаю, что вы от меня хотите не просто громких принципов о необходимости правильно использовать время; благодать давно убедила вас в этом. Приятно встречать души, с которыми можно сказать, что уже пройдено более половины пути. Но пусть эта фраза не кажется вам лестью: впереди ещё много работы, и между убеждением духа и хорошей готовностью сердца с одной стороны и точной и верной практикой — большая пропасть. Ничто не было так обычным во все времена и не является таковым сегодня, как встретить души, которые в уме совершенны и святы. «По их плодам узнаете их», — говорит Спаситель мира. Это единственный надёжный критерий, при условии, что он правильно применён: именно по нему мы должны судить о себе.

В нашей жизни есть разные времена, но общий принцип, который должен распространяться на всё время, таков: не должно быть ни одного бесполезного момента. Все времена входят в порядок и последовательность нашего спасения; они все наполнены обязанностями, которые Бог вложил туда лично, и за которые Он потребует с нас отчёт. От первых мгновений нашего бытия до последнего момента жизни Бог не намеревался оставлять пустого времени, ни времени, которое можно было бы произвольно потратить или потерять. Важно узнать, что Он хочет, чтобы мы делали с этим временем. Достичь этого можно не через поспешную и тревожную горячность, которая скорее всё запутает, чем прояснит наши обязанности, а через искреннее повиновение тем, кто занимает место Бога для нас; затем — через чистое и прямое сердце, которое ищет Бога просто и искренне борется со всеми двойственностями и хитростями самомнения, как только они обнаруживаются.

Потеря времени происходит не только от бездействия или злодеяний, но и тогда, когда мы занимаемся чем-то другим, чем должны, даже если то, что мы делаем, само по себе — добро. Мы удивительно изобретательны в постоянном поиске себя, и то, что миряне делают открыто и грубо, желающие быть Богу часто делают тонко, скрываясь за оправданиями, которые служат им вуалью и не дают видеть уродство своего поведения. Общий способ хорошо использовать время — привыкать жить в постоянной зависимости от Духа Божьего и Его закона, принимая от Него мгновение за мгновением то, что Он желает нам дать, советуясь с Ним при сомнениях, когда нужно быстро принять решение; прибегая к Нему, когда добродетель ослабевает и кажется, что она сдаётся; возносясь к Нему, когда сердце, увлечённое чувствами, незаметно сходит с пути, теряет себя в забытьи и отдаляется от Бога.

Счастлива душа, которая, искренне отрекаясь от себя, постоянно пребывает в руках своего Создателя, готовая сделать всё, что Он пожелает, и которая не устает повторять сто раз в день: «Господи, что Ты хочешь, чтобы я сделал?» «Научи меня исполнять Твою святую волю, потому что Ты — мой Бог». Ты покажешь, что Ты мой Бог, обучая меня, а я покажу, что я — Твоё создание, повинуясь Тебе. В чьих руках, Великий Бог, я могла бы быть лучше, чем в Твоих? Вне их душа моя всегда подвергается нападкам врагов, и спасение моё всегда под угрозой. Я — лишь неведение и слабость; я обречен на погибель, если Ты оставишь меня самому себе, распоряжаться драгоценным временем, которое Ты дал мне для освящения, и слепо идти путём моего собственного сердца. В таком состоянии, что я могу сделать в любой момент, кроме как ошибиться? И что я способен сотворить в себе, кроме как дело самомнения, греха и погибели? Пошли же, Господи, свет Твой, чтобы вести мои шаги, раздавай мне милости Твои по нуждам моим, как пищу детям по возрасту и слабости.

Научи меня святым образом пользоваться данным временем, чтобы исправить прошлое и никогда не надеяться легкомысленно на будущее. Время дел и внешних занятий требует лишь простой внимательности к воле Божественного Провидения, чтобы быть употребленным должным образом. Нужно внимательно остерегаться не быть подавленным тем, что приходит извне, и не утонуть в множестве внешних занятий, какими бы они ни были. Мы должны стараться начинать все дела, смотря лишь на чистую славу Божью, продолжать их без рассеянности и заканчивать без суеты и нетерпения. Время разговоров и развлечений — самое опасное для нас, и, возможно, самое полезное для других; там нужно быть на чеку, то есть особенно верным в присутствии Божьем.

Практика христианской бдительности, так часто рекомендуемая нашим Господом, устремления и возвышения духа и сердца к Богу через простые взгляды веры, тихая и мирная зависимость души от благодати, которую она признаёт единственным источником своей силы — всё это должно применяться тогда, чтобы сохранить себя от тонкого яда, который часто скрывается под разговорами и удовольствиями, и чтобы мудро уметь различать, что может научить и построить других. Это особенно необходимо тем, кто обладает большой властью и чьи слова могут приносить как много пользы, так и много вреда. Свободное время обычно самое приятное и полезное для нас самих; мы едва ли можем использовать его лучше, чем посвятить его восстановлению сил (в том числе и телесных) в более уединённом и близком общении с Богом. Молитва так необходима и является источником стольких благ, что душа, найдя этот клад, не может удержаться от возвращения к нему, как только остаётся одна.

XIV. О БЕРЕЖНОМ ОТНОШЕНИИ КО ВРЕМЕНИ

Я думаю, вам нужно сделать две вещи: первая состоит в том, чтобы постараться выкраивать у мира немного времени для чтения и молитвы. Мне кажется, я ясно представляю себе все ваши затруднения — настолько живо я их вижу. Но, в конце концов, каждому делу следует приходить в свое время, и дело спасения должно быть на первом месте. Что бы вы сказали о человеке, который не находит времени ни поесть, ни поспать? Вы бы сказали ему: «Время, затраченное на основные потребности жизни — это лучшее вложение и для твоих дел: если здоровье подорвется, как ты сможешь действовать? Какой прок от труда, если у тебя не будет жизни, чтобы пожинать его плоды?» То же самое говорю и я вам: если вы дадите своей душе истощиться и ослабеть из-за отсутствия питания, к чему приведут не только беседы, но и самые важные, самые неотложные дела?

«Марфа, Марфа, зачем ты тревожишься и заботишься о многом? Одного только нужно. Мария избрала благую часть, которая не отнимется у неё». (Лк. 10:41–42) Я говорю всё это не для того, чтобы ввести вас в сомнения по поводу необходимых занятий, но будьте уверены: они никогда не лишат вас возможности «преломить хлеб насущный» для вашей

души. Бог слишком добр и уже слишком явил вам Свою милость, чтобы лишить вас средств молиться Ему и укрепляться в чувствах, которые Он Сам вам дарует. Нужно извлекать пользу из всякой минуты: когда ждёшь кого-то, когда идёшь из одного места в другое, когда находишься с людьми, которые любят говорить, и тебя достаточно лишь слушать, — в эти мгновения подними сердце к Богу, обнови себя для дальнейших дел. Чем меньше времени, тем важнее его беречь. Если ждать, когда появятся удобные, заранее отведённые часы, чтобы наполнить их чем-то существенным, — можно ждать очень долго, особенно при образе жизни, которым вы живёте. Нужно использовать все отрывочные моменты.

Благочестие не похоже на житейские дела: житейские дела требуют свободного, организованного времени, сосредоточенного и длительного приложения усилий. Но благочестие не требует таких длинных и напряжённых усилий: за одно мгновение можно вновь обрести присутствие Божие, возлюбить Его, поклониться Ему, принести Ему в дар то, что ты делаешь или переносишь, и успокоить перед Ним все волнения своего сердца. Возьмите, например, утром полчаса, и столько же во второй половине дня, чтобы залатать те пробоины, которые наносит вам мир. А в течение дня пользуйтесь мыслями, которые вас особенно трогают, чтобы обновляться в присутствии Божьем.

Вторая вещь, которую вам нужно сделать — это не падать духом: ни из-за осознания собственной слабости, ни из-за отвращения к бурной жизни, которой вы живёте. Это милость Божья — то, что вы вздыхаете от этой суеты; и сами эти вздохи — противоядие, которое не даёт вашему сердцу испортиться от рассеянности. Вот почему я бы очень огорчился, если бы вам вдруг начало нравиться такое рассеянное существование. Ваши вздохи и ваше отвращение приносят мне подлинную радость. Бог умертвит в вас себялюбие через отвращение к миру, так же как других Он умерщвляет к самим себе через уединение и лишение всего, что может дать мир. Важно лишь одно — быть верным, терпеливым и мирным в том кресте, который вы не выбирали, а который Бог дал вам согласно Своим замыслам.

XV. СЧАСТЬЕ ПРИНАДЛЕЖАТЬ БОГУ

Надо уступать Богу, когда Он зовёт нас позволить Ему царствовать внутри нас. Разве мы столько раздумывали, когда мир звал нас поддаться увлечениям и страстям? Разве мы так колебались? Разве требовали стольких доказательств? Разве мы так сопротивлялись злу, как сопротивляемся добру? Чего мы рискуем, начав служить Ему? Мы продолжим делать те же честные и невинные дела, какие делали до сих пор; у нас будут почти те же обязанности и те же страдания, которые нужно переносить с терпением. Но к ним прибавится бесконечное утешение — любовь к Тому, Кто есть высочайшая Любовь; труд и страдание ради угождения истинному и совершенному Другу, который учитывает малейшее и вознаграждает это сторицей уже в этой жизни — миром, который Он изливает в сердце. И наконец, к этому прибавится ожидание жизни блаженной и вечной, по сравнению с которой нынешняя — лишь медленная смерть.

Какие бы кресты мы ни несли в христианской жизни, мы никогда не теряем этого блаженного покоя сердца, в котором мы хотим всё то, что терпим, и не хотим ни одной из радостей, которых нам не достаёт. Мир даёт ли нам то же? — вы знаете. Всегда ли в нём довольны тем, что имеем? Не ощущается ли постоянной нехватки того, чего нет? Делается ли в мире всё от любви и всем сердцем? Чего же вы боитесь? — Отказаться от того, что скоро само от вас откажется? От того, что ускользает от вас каждый час? От того, что никогда не наполняет ваше сердце? От того, что превращается в смертную усталость, несёт с собой грустную пустоту и даже тайный упрёк совести? От того, что ничтожно даже в тот момент, когда ослепляет? Чего же вы боитесь? — Найти добродетель слишком чистую? Бога слишком достойного любви? Привлечение любви, которое не оставит вас больше вам самим и суете земной? Бояться стать слишком смиренным, слишком отрешённым, слишком

чистым, слишком справедливым, слишком разумным, слишком благодарным по отношению к нашему Отцу, что на небесах?

Не бойтесь ничего так, как этой несправедливой боязни, этой безумной «мудрости мира», которая колеблется между Богом и собой, между добром и злом, между благодарностью и неблагодарностью, между жизнью и смертью. Вы знаете из собственного опыта, что значит томиться без той внутренней жизни и любви, которая питает душу. Когда этого «нечто» внутри нет — душа как будто мертва, будто без дыхания. Всё, что говорят безрассудные влюблённые в своих страстях — в каком-то смысле правда, в буквальном смысле: не любить — значит не жить; любить слабо — это скорее тлеть, чем жить. Все эти страстные порывы, что терзают людей, — не что иное, как истинная любовь, сбившаяся с пути и ушедшая прочь от своего Центра. Бог создал нас, чтобы мы жили Им и Его любовью. Всякая другая жизнь — это смерть. Нужно любить. Но что будете вы любить? — То, что не любит вас искренне? То, что не достойно любви? То, что ускользает, как тень, которую невозможно схватить? Что полюбите вы в этом мире? Людей, которые будут завидовать вам и глодать себя, если увидят, что вы счастливы?

Сердца, столь же лицемерные в добродетели, как, по их мнению, благочестивые лицемерны в молитве? Почести, которые, возможно, вы так и не получите, и которые всё равно не исцелят ваше сердце, если даже получите? Это тело из праха, которое унижает ваш разум, подчиняет душу страданиям и готовит к близкой смерти? Так что же вы будете делать? Не будете ничего любить? Предпочтёте жить без жизни, лишь бы не любить Бога, Который любит вас, Который хочет, чтобы вы Его любили, и Который хочет принадлежать вам полностью, чтобы вы принадлежали Ему всецело? Боитесь ли вы, что, обладая этим сокровищем, вам всё равно чего-то будет не хватать? Неужели вы думаете, что Бог, безмерный, не способен наполнить и насытить ваше сердце? Остерегайтесь себя самого и всех тварей вместе взятых — это всё лишь ничто, которое не может удовлетворить сердце человека, созданного для Бога. Но никогда не сомневайтесь в Том, Кто один — всякая полнота добра, Кто отвращает вас милосердно от всего остального, чтобы привести вас к Себе.

XVI. ПОКОЙ ВО СТРАДАНИИ

Именно жизнь в нас самих делает нас страдальцами. То, что мертво, уже не чувствует. Если бы мы были мертвы для самих себя, если бы наша жизнь была сокрыта с Иисусом Христом в Боге, как говорит апостол (Колоссянам 3:3), — тогда бы мы уже не испытывали этих душевных мучений, которые чувствуем. Мы, конечно, могли бы страдать телесно — от лихорадки, от подагры и прочего. Могли бы также страдать духовно — то есть страдать душой, не давая ей никакого участия в этом страдании. Но страдания от беспокойства, от внутреннего смятения, в которых душа добавляет к кресту, посланному рукой Божией, сопротивление, — страдания от нежелания страдать, — эти мы имеем только постольку, поскольку ещё живём для самих себя.

Крест, данный только от Бога и полностью принятый — без тревожного оглядывания на себя, — он одновременно и скорбен, и исполнен мира. А крест, который не принят полностью и просто, и к которому всё ещё восстаёт наше «я», — это двойной крест: он становится ещё тяжелее из-за сопротивления души, чем от самой боли, которую причиняет. Счастлив тот, кто может страдать в простом мире, с полным согласием и без всякого сопротивления! Нет ничего, что так облегчает и смягчает боль, как принять её с покоем. Но обычно человек торгуется с Богом: хочет поставить пределы страданиям, хочет видеть их конец.

И та же самая упрямая и скрытая жизнь для себя, которая сделала крест необходимым, делает так, что мы его и отталкиваем, хотя бы и тайно, и тем самым откладываем его

действие. Так всё и приходится начинать заново: мы страдаем — но не достигаем цели, ради которой страдаем. Я молю Господа нашего, чтобы мы не впали, ни я, ни вы, в это состояние духовной вялости, когда крест перестаёт приносить плод. Святой Павел говорит: Бог любит того, кто с радостью даёт милостыню (2 Коринфянам 9:7) — насколько же больше Он любит того, кто с радостью отдаёт всю свою волю, чтобы предаться Его распинающему действию.

XVII. ЕДИНЕНИЕ СЕРДЕЦ

Я всегда связан с вами и с вашей дорогой семьёй всем сердцем — не сомневайтесь в этом. Мы очень близки друг другу, хоть и не видимся, — тогда как люди, которые видятся каждый час, порой очень далеки друг от друга, даже находясь в одной комнате. Бог соединяет всё и уничтожает любые расстояния между сердцами, соединёнными в Нём. В этом смысле люди Китая касаются сердец людей Перу. Я, конечно, чувствую лишение оттого, что не вижу вас, — но это нужно нести в мире, пока это угодно Богу, и даже до самой смерти, если Он этого пожелает. Закройтесь в своих настоящих обязанностях. А остальное — будьте сдержанны, сосредоточенны, старайтесь разумно устроить свои дела, терпеливы в домашних скорбях. О госпоже я молюсь, чтобы она никогда не оборачивалась назад и всегда стремилась вперёд по самому прямому пути. Я желаю, чтобы Господь наш благословил весь ваш дом и чтобы этот дом стал Его домом.

XVIII. ПРОТИВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ТРЕВОГ

Не бойтесь своих немощей заранее — достаточно для каждого дня своей заботы. Не заботьтесь о завтрашнем дне: завтрашний день сам позаботится о себе. Тот, кто сегодня дарует мир сердцу, — всемогущ и всеблаг, чтобы даровать его и завтра. Не искушайте самих себя, стремясь предугадать испытания, для которых вам ещё не дана благодать. Как только заметите такие мысли — останавливайте их сразу же, в начале. Мы сами вызываем искушение, если начинаем его слушать. Пресекайте их не усилием, не методами, а тем, чтобы оставить эти мысли без ответа — ни «да», ни «нет». Люди, которым не отвечают, быстро замолкают. Предайте себя Богу — и не берите себя обратно ни под каким предлогом. Он позаботится обо всём.

XIX. ИСТИННЫЕ ИСТОЧНИКИ МИРА

Будьте в покое. Ощутимое рвение — вовсе не зависит от вас; единственное, что зависит — это ваша воля. Отдайте её Богу без остатка. Не в этом суть — чувствовать вкус к благочестию; речь идёт о том, чтобы хотеть всего, чего хочет Бог. Смиренно признавайте свои ошибки, отрешитесь от себя, предайтесь Ему, любите Бога больше, чем самих себя, и Его славу — больше, чем свою жизнь. И если вы не в состоянии так любить — хотя бы желайте этого, и молитесь о такой истинной любви. Бог будет любить вас — и даст свой мир глубоко в ваше сердце. Я прошу у Него этого мира для вас — и был бы рад страдать, чтобы вы его получили.

XX. О ЖЕЛАНИИ ЗНАНИЙ

Слушанием и чтением слов о совершенстве не становятся совершенными. Главное — не слушать себя, а в молчании слушать Бога, отречься от всякой суетности и заниматься реальными добродетелями. Меньше говорить, больше делать — не заботясь о том, увидят ли это. Бог научит вас гораздо большему, чем самые опытные люди или самые возвышенные книги. Что вы так стремитесь узнать? Что вам ещё нужно изучить, кроме как стать нищими духом, и найти всю свою мудрость во Христе распятом? Знание надмевает, только любовь созидает (1 Кор. 8:1). Итак — ищите только любовь. Нужно ли быть таким учёным, чтобы уметь любить Бога и отрекаться от себя ради любви к Нему? Вы уже знаете больше добра, чем совершаете. Вам сейчас нужно не новые озарения, а применить те, что уже даны.

XXI. КАК ТЕРПЕТЬ САМОГО СЕБЯ

Те, кто любят себя любовью милосердной, как ближнего, терпят себя с той же милостью, не льстя себе — так же, как терпят ближнего в его недостатках. Они видят, что в них самих нуждается в исправлении — как в другом человеке. И работают над собой честно и без снисхождения, но делают это терпеливо, как будто ведут кого-то другого к Богу. Они просят от себя не больше, чем потребовали бы от ближнего в тех обстоятельствах, в которых находятся. Они не падают духом оттого, что не стали совершенными в один день. Они без снисхождения осуждают даже малейшие свои недостатки, видят их во всей уродливости, переносят всё унижение и горечь, не упуская ни малейшей возможности к исправлению — но не печалятся в этом труде.

Они не прислушиваются к раздражению гордыни и самости, которые подмешивают свои бурные порывы к тем твёрдым, но мирным движениям, которые вдохновлены благодатью для исправления самих себя. Такое раздражение, столь жгучее, служит только к тому, чтобы обескуражить душу, отвлечь её на всё утончённое в самости, оттолкнуть от служения Богу, заставить искать развлечений и утешений, противных благодати, иссушить душу, рассеять её, вселить скуку и отчаяние в достижении цели пути. Ничто так не останавливает души, как эти внутренние досады, когда они приняты добровольно. Но если человек только страдает от них — не поддаваясь, не вызывая их размышлениями самости — тогда такие страдания становятся чистым крестом, а значит — источником благодати. Они входят в число всех тех испытаний, через которые Бог очищает и совершенствует нас.

Нужно оставить такие страдания, как приступ лихорадки или мигрени, не делая ничего, что усилило бы или поддержало болезнь. В то же время нужно продолжать внутреннюю сосредоточенность и внешние обязанности — насколько хватает сил. Молитва становится менее сладкой и незаметной, любовь — менее живой и чувствительной, присутствие Божие — менее ясным и утешительным, внешние обязанности — менее приятными. Но верность в таких трудных обстоятельствах становится ещё большей — и именно этого хочет от нас Бог. Лодка с вёслами требует больше усилия, чтобы пройти четверть мили против ветра и течения, чем когда она проходит целую милю, движимая попутной волной и бризом. Так и с раздражением самости — обращайтесь с ним, как люди, которые страдают от «волнений» (устаревшее: истерий): не слушайте их, и действуйте так, как будто вы их вовсе не чувствуете.

XXII. ПОЛЬЗА ОТ ТОГО, ЧТО ЧЕЛОВЕК БЫЛ БЛИЗОК К СМЕРТИ

Хорошо побывать у врат смерти: там Бог видится ближе, там начинаешь привыкать к тому, что вскоре придётся всё равно совершить. Человек должен лучше познать себя, когда он был так близко к Божьему суду и к лучам вечной истины. О, как велик Бог! Он — всё, а мы — ничто, когда мы так близки к Нему и когда завеса, скрывающая Его от нас, вот-вот будет снята. Воспользуйтесь этой благодатью, чтобы отрешиться от мира — и, ещё более, от самого себя, ибо ко всему остальному мы привязываемся только ради себя, и все остальные привязанности сводятся к этой.

XXIII. ПОЧЕМУ БОГ ДОПУСКАЕТ ОСЛАБЛЕНИЕ РВЕНИЯ

У меня есть радость, которая, возможно, вас удивит — и вы должны простить меня за неё: это радость видеть, что вы теперь немного меньше полагаетесь на ощутимое рвение, на которое вы слишком уповали. Хорошо испытать свою слабость и узнать на опыте, что это чувство неустойчиво. Когда мы его имеем — это Бог даёт его нам по снисхождению, чтобы поддержать нашу немощь. Это — молоко для младенцев; а потом надо быть отнятым от груди и питаться сухим хлебом взрослых. Если бы у нас не было ни единого перерыва в этом вкусе и лёгкости внутреннего сосредоточения, мы были бы в великом искушении почесть это за своё собственное и надёжное сокровище; перестали бы ощущать свою

немощь, и свою склонность к злу, перестали бы достаточно доверяться молитве, и недостаточно бы уповали на Бога.

Но когда это рвение ослабевает, мы чувствуем, что потеряли, понимаем, откуда оно было, и остаётся лишь смириться, чтобы вновь обрести его — в Боге. То, что зависит от нас, и что должно быть всегда неизменным — это добрая воля. Оставайтесь твёрды в своих часах молитвы, как если бы они всё ещё были легки и отрадны. Даже в течение дня, когда у вас только частичная занятость внешними делами, помышляйте о Боге внутренне: например, трудитесь за работой в простой и дружеской Божией близости. Только в разговорах эту близость труднее сохранить; однако часто можно иметь общее внимание к Богу, Который направляет всякое слово, удерживает в общении с людьми от резкости, от высокомерия или презрения, от тонких притязаний самости. Терпите себя, но не льстите себе. Трудитесь над исправлением своих недостатков усердно и последовательно — в покое и без нетерпения самости.

XXIV. КАК СЛЕДУЕТ ПЕРЕНОСИТЬ ПОТЕРЮ ЛЮБИМЫХ

Зачем мы оплакиваем тех, кто уже не плачет и кому Бог навеки отёр всякую слезу? На самом деле, мы оплакиваем самих себя — и стоит простить себе эту человечность, это самоумиление. Но вера уверяет нас, что мы вскоре вновь воссоединимся с теми, кого наши чувства представляют нам как утраченных. Живите верой, не прислушиваясь к плоти и крови. Вы вновь обретёте того, кто исчез из вашего взора, в нашем общем Центре — в лоне Бога. Бережно отнеситесь к своей хрупкой телесной природе в этом тяжёлом испытании. Успокойте свой дух перед Богом. Не бойтесь немного утешить себя, в том числе воображение, каким-то кротким и благочестивым обществом. Не стыдитесь обращаться с собой, как с ребёнком, когда чувствуете в этом нужду.

XXV. УТЕШЕНИЕ

Я думаю о вас и обо всех ваших страданиях. Да вложит Бог в глубину вашего сокрушённого сердца своё утешение. Рана ужасна, но рука Утешителя — всемогуща. Нет, лишь чувства и воображение потеряли свой объект. Тот, кого мы больше не можем видеть, сейчас с нами — ещё более, чем прежде. Мы непрестанно находим его в нашем общем Центре. Он видит нас, Он посылает нам подлинную помощь. Он знает наши немощи лучше нас самих, ибо уже сам не страдает от них, и он просит необходимые средства для нашего исцеления. Я, кто был лишён возможности видеть его столько лет, теперь говорю с ним, открываю ему своё сердце. Я верю, что он пред Богом, и хотя я оплакивал его горько, я не могу поверить, что потерял его. О, сколько подлинности в этом внутреннем и нерасторжимом общении, в котором Божьи дети снова обретают друг друга!

XXVI. УТЕШЕНИЕ

Я обеспокоен вашей болезнью: она уже долго и тяжело испытывала вас. И, кроме того, когда сердце больно, страдает всё тело. Я опасаюсь за вас при каждом воспоминании, которое может снова пробудить вашу боль. Надо войти в Божий замысел и помочь самому себе — чтобы облегчить страдание. Мы вскоре обретём то, что, по сути, не утратили. С каждым днём мы быстро приближаемся. Ещё немного — и плакать будет уже не о чём. Умираем мы; а те, кого мы любим, — живут, и не умрут более. Вот во что мы верим — но верим слабо.

Если бы мы верили по-настоящему, мы были бы по отношению к самым дорогим в том же настроении, в каком Иисус хотел видеть Своих учеников, когда восходил на небо: «Если бы вы Меня любили, вы бы радовались, что Я иду к Отцу». Но мы оплакиваем себя, когда оплакиваем тех, кого потеряли. Можно тревожиться за тех, кто вёл мирскую жизнь. Но по-настоящему Божьего друга, кто был верен и смирён — нельзя видеть иначе, кроме как в его

счастье и в благодатях, которые он теперь ниспосылает на тех, кто ещё остался здесь. Позвольте, чтобы ваша боль успокоилась рукой самого Бога, Который и поразил вас.

XXVII. ПРОТИВ УНЫНИЯ

Вы слишком полагались на своё сосредоточение и пыл. Бог отнял эти ощутимые дары, чтобы отвязать вас от них, чтобы показать вам, насколько вы слабы в своей глубине, и приучить вас служить Ему без того вкуса, который облегчает добродетели. Для Бога мы делаем гораздо больше, когда совершаем то же самое — без отрады и с внутренней отвращённостью. Я немного делаю для друга, если иду к нему пешком, прогуливаясь, потому что люблю прогулки и потому что у меня крепкие ноги, и я наслаждаюсь самой прогулкой. Но если я стал подагричным и каждый шаг мне даётся с болью, то те же визиты, которые раньше были ничем, начинают приобретать новую цену: они становятся знаками очень глубокой и крепкой дружбы.

Чем больше трудности, тем более он должен быть мне признателен. Один шаг теперь имеет больше достоинства, чем сто шагов прежде. Я не говорю это, чтобы льстить вам или вселить в вас пустую уверенность — упаси Бог! Я говорю это лишь затем, чтобы удержать вас от очень опасного искушения — искушения унынием и тревогой. Когда у вас изобилие и внутренняя горячность, почитайте за ничто свои добрые дела, которые так легко и естественно текут. Но когда вы ощущаете сухость, тьму, нищету и почти полное бессилие, пребудьте под рукой Божией в состоянии наготы веры; признайте свою нищету, обратитесь к всесильной любви и никогда не сомневайтесь в Его помощи.

О, как хорошо — оказаться лишённым всех ощутимых опор, что только услаждают самость, и сведённым к этой истине Духа: «Не оправдается пред Тобою ни один живущий» (Пс. 142:2). Идите вперёд, во имя Божие, даже если вам кажется, что у вас нет ни силы, ни мужества сделать и шага. Тем лучше, что вам не хватает человеческой отваги — но не будет недоставать упования на Бога в вашей немощи. Св. Павел восклицает: «Когда я немощен — тогда силён» (2 Кор. 12:10), и когда он просил избавить его от немощи, Бог ему ответил: «Сила Моя совершается в немощи» (2 Кор. 12:9).

XXVIII. СТРАДАТЬ, НЕ ТЕРЯЯ МУЖЕСТВА

Никогда не надо отчаиваться в Божьей благости к нам — надо сомневаться только в себе. Чем сильнее мы отчаиваемся в себе, чтобы уповать лишь на Бога в деле исправления своих недостатков, тем скорее совершается это дело. Но, с другой стороны, нельзя полагаться на Бога, не трудясь усердно со своей стороны. Благодать приносит плод в нас лишь постольку, поскольку она заставляет нас неустанно трудиться вместе с ней. Нужно бодрствовать, принуждать себя, бояться самообмана, внимать с послушанием самым унизительным замечаниям и считать себя верным Богу в той мере, в какой ежедневно совершаешь жертвы, умирая самому себе.

XXIX. СОВЕТЫ О МОЛИТВЕННОМ РАЗМЫШЛЕНИИ И О ТОМ, КАК ЧИТАТЬ

Я убеждён, сударь, что вам следует каждое утро совершать краткое молитвенное размышление. Прежде всего — представьте себя в Божьем присутствии, поклонитесь Ему как присутствующему, всем существом предайте себя Ему, а затем призовите Его Святого Духа для великого дела, которое вы собираетесь совершить. Вы знаете, как мы делали это вместе. Но вы не можете быть слишком просты в этом. Не ищите перед Богом красивых мыслей или каких-то особенных умилений. Говорите с Ним просто, открыто, без утончённых рассуждений, и от полноты сердца — как с добрым другом. Сделайте две или три короткие остановки на самых важных истинах христианства. Возьмите их из «Подражания Христу», в том порядке, который я вам не раз объяснял.

Я бы читал как можно меньше: с того самого момента, как найду две или, самое большее, три значительные истины, я бы остановился, чтобы поразмышлять о них собранно и возбудить к ним в себе благоговение, после того как я твёрдо утвердил их в уме. Если же, всё-таки, я почувствую в дальнейшем, что слишком сух и не получаю питания в размышлении, я снова возьму в руки книгу — чтобы с помощью внешнего предмета зафиксировать внимание и вновь сосредоточиться на теме. В первые дни довольствуйтесь четвертью часа для такого размышления, даже если оно покажется сухим и утомительным. Но если сердце будет легко насыщаться, продолжайте до получаса — если только не почувствуете усталости. Вообще говоря, лучше сначала делать немного и постепенно привыкать.

Также можно делать то же самое и вечером в течение четверти часа — и вы увидите, как со временем эта четверть часа сама собой превратится в полчаса. Я всегда предполагаю, что после того как вы поразмышляете о двух или трёх истинах и возбудите к ним в себе благоговение, вы примете и некие подробные решения для практического исполнения. Завершайте размышление духом преданности Богу по отношению к тем истинам, о которых размышляли, и благодарением за добрые движения сердца, которые вы получили. Что касается вашего духовного чтения, которое должно быть регулярным, то, я полагаю, вам следует уделять ему не менее четверти часа, но читать очень медленно. Читайте всегда для себя, то есть — не довольствуйтесь тем, что живёте и вкушаете истины, но прилагайте их к своим нуждам.

Внимательно смотрите, какие выводы вы должны сделать из каждой истины для практики. Старайтесь вкушать — не ради наслаждения, а ради питания: чтобы есть и переваривать священный хлеб. Его нужно даже долго пережёвывать, чтобы хорошо усвоить. Те, кто глотают торопливо и жадно, вместо прочного питания навлекают на себя опасное расстройство. Поэтому лучше читать немного, но вдумчиво и собранно. Когда чтение совершается как должно, оно незаметно становится наполовину молитвенным размышлением. Излишнее же разнообразие тем в духовных чтениях — как и во всём остальном — рассеивает ум, размножает его помыслы, выносит его вовне и иссушает.

XXX. БОГ СОИЗМЕРЯЕТ СТРАДАНИЕ С СИЛАМИ

Я всегда глубоко сочувствую страданиям вашей дорогой больной и тем скорбям, которые несут на себе те, кого Бог поставил рядом с ней, чтобы помочь ей нести крест. Пусть она не сомневается в Боге: Он Сам сумеет измерить её страдания сообразно с терпением, которое Сам же ей и даст. Только Тот, Кто создал сердца и Кто заново преображает их Своей благодатью, знает точную меру, хотя и тот, в ком эта мера совершается, её сам не знает. Не зная ни полноты будущего испытания, ни той Божьей силы, которая уже уготована на помощь, человек впадает в искушение уныния и отчаяния. Это как если бы человек, никогда не видевший моря, стоял на берегу, а перед ним поднималась бы буря, и, не имея пути к отступлению из-за крутого утёса, он вообразил бы, что поднимающиеся волны вот-вот его поглотят.

Он не видит, что волны остановятся на той черте, которую им указал перст Божий — и, таким образом, боится больше, чем страдает. Бог обращается с испытанием праведника так же, как с морем: Он поднимает его, вздувает, устрашает им нас, но устанавливает предел искушению. Бог, Который верен, не допустит, чтобы вы были искушаемы сверх сил (1 Кор. 10:13). Он Сам называет Себя «верным». О, как прекрасна эта верность! Скажите об этом слово вашей больной, и скажите ей: пусть она не смотрит дальше настоящего дня, но оставит всё в руках Божиих. Часто то, что сначала кажется самым изнурительным и ужасным, оказывается смягчённым.

Изнурение исходит не от Бога, Который не даёт сверх меры, а от нашего воображения, которое старается заглянуть в будущее, и от нашего самолюбия, которое преувеличивает свои страдания. Эти слова будут полезны и тому, кто порой тревожится от самого страха, что когда-то впадёт в тревогу. Все моменты жизни одинаково находятся в руке Божией — и час смерти, и час жизни. Одним Словом Своим Он повелевает ветрам и морю, и они Ему повинуются, и успокаиваются. Чего ты боишься, человек маловерный? Разве Бог не всемогущ ещё больше, чем ты слаб?

XXXI. ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

Что касается прошлого — остаётся лишь с покорной уверенностью предать его в руки Божии и искупить его безустанной верностью. Люди просят себе покаяний за прошлое. Но нужны ли более великие и спасительные покаяния, чем нести те кресты, которые нам даны сегодня? Поистине — исправление суетности прошлого в том, чтобы стать смиренным и позволить Богу унизить нас. Самое суровое из всех покаяний — это делать каждый день и каждый час волю Божию, а не свою — вопреки отвращению, усталости и отторжению. Не думай ни о чём, кроме настоящего, и не позволяй себе любопытно заглядывать в будущее. Будущее ещё не твоё; возможно, оно никогда и не станет твоим. Хочешь опередить Бога, готовясь к событиям, которые Он может и не предназначить тебе — и этим уже искушаешь себя.

Когда эти события настанут, Бог даст тебе свет и силы, необходимые для испытания. Зачем же судить преждевременно о том, для чего у тебя пока нет ни силы, ни света? Думай о настоящем, которое не ждёт: именно верность в настоящем готовит верность в будущем. Питай своё сердце словами веры. Каждый день читай что-нибудь — пусть это будет короткое чтение, но совершаемое медленно. При чтении не рассуждай много, а люби много: в этом деле действует сердце, а не разум. Не читай ничего, чтобы не применить к своим обязанностям, которые ты должен исполнить, и к своим недостаткам, которые ты должен исправить, чтобы угодить Богу. Не бойся отложить книгу в сторону, если она введёт тебя в собранность.

XXXII. ЧУВСТВА И ВОЛЯ

Хочешь быть в мире? Меньше думай о себе — и больше — о Боге. Ошибочна та мера, по которой мы судим о себе по чувствам, которые находим в себе. Бог требует от нас лишь того, что зависит от нас: а это — наша воля. Чувства не в нашей власти: мы не можем их ни дать себе, ни отнять от себя по своей воле. Даже самые закоренелые грешники иногда испытывают против воли добрые порывы. И величайшие святые были порой мучительно искушаемы развращёнными чувствами, к которым они сами испытывали отвращение. Эти чувства служили им для смирения, умерщвления и очищения. Апостол Павел говорит: «Сила совершается в немощи» (2 Кор. 12:9). Так что не чувства, а согласие с ними делает нас виновными.

XXXIII. НИКОГДА НЕ ОТЧАИВАТЬСЯ О БОГЕ

Вы видите при свете Божием, в глубине своей совести, что благодать требует от вас; но вы сопротивляетесь Богу. Отсюда и происходит ваше смятение. Вы начинаете говорить себе: «Невозможно, чтобы я смог сделать то, что от меня требуют». Это — искушение отчаянием. Отчаивайтесь в себе, сколько угодно, но не отчаивайтесь в Боге. Он — всеблагой и всемогущий. Он даст вам по мере вашей веры. Если вы поверите во всё, всё вам будет дано, и вы сможете передвигать горы. Если вы не поверите ни во что, ничего вам не будет дано — но это будет уже ваша вина. Вспомните Авраама, который надеялся, когда уже не было никакой надежды.

XXXIV. КАК НАЙТИ МИР

Всюду есть страдания. В уединении воображение разогревается, и соломенные кресты становятся крестами из железа или свинца. Средство против такого зла — не надеяться на счастье, в каком бы то ни было состоянии этой жизни, а ограничиться тем миром, который происходит от согласия с волей Божией, даже если эта воля нас распинает. Тот, кто живёт так, никогда не обманется в своих ожиданиях; и если природа при этом не довольна, вера всё же остаётся стойкой и закаляется против бунта природы. Если бы у вас хватило мужества так предаться Богу, вы бы за один день обрели больше мира, чем смогли бы обрести за всю жизнь иным путём. Чем меньше ищешь себя, тем больше находишь в Боге то, что добровольно готов был потерять. Спокойное и упорядоченное занятие избавит вас от скуки. Бог смягчит для вас неизбежные отвращения в любом состоянии жизни. Он поможет вам терпеть тяжёлых людей и поддержит Сам, когда лишит вас других опор. Но если не хотите быть обманутыми, надеяться нужно только на Него.

XXXV. ЛЮБОВЬ К БОГУ

Больше всего я желаю вам глубокого забвения самого себя. Человек хочет видеть Бога в себе, а нужно видеть себя в Боге. Мы должны любить себя ради Бога, вместо того, чтобы — как обычно, и сами того не замечая — любить Бога ради себя. Всякое беспокойство проистекает не из чего иного, как из самолюбия. Наоборот, любовь к Богу есть источник всякого мира. Когда мы видим себя только в Боге, мы уже видим себя как часть множества, взглядом любви, и сердце при этом остаётся спокойным.

XXXVI. НЕ СОБЛАЗНЯТЬСЯ НЕСОВЕРШЕНСТВАМИ ЛЮДЕЙ

Мне жаль, что вы разочарованы в людях; но надо привыкнуть мало от них ожидать — тогда вы никогда не будете разочарованы. От людей надо принимать то, что они могут дать — как от дерева берут те плоды, которые оно приносит. Иногда на дереве одни только листья и гусеницы. Бог терпит и ждёт даже людей несовершенных; Он не отталкивает их, даже если они Ему противятся. Мы должны подражать этой прекрасной терпеливой милости Божией. Только несовершенство нетерпимо к несовершенствам. Чем больше в человеке совершенства, тем терпеливее и спокойнее он переносит несовершенства других — не льстя, но терпя.

XXXVII. СЧАСТЬЕ В СТРАДАНИИ

Я слышу, что Бог посылает вам кресты, и всем сердцем принимаю в этом участие. Я всегда был чувствителен к тому, что вас касается, но опыт придаёт ещё большую чуткость к страданиям других. Счастлив страдающий. Я говорю это посреди самого страдания — для вас и для себя. Счастливы те, кто страдает с кротким и смиренным сердцем! То, что угодно Богу, никогда не бывает чрезмерным. Если бы страдания были в нашей власти, мы бы никогда не страдали достаточно, чтобы умереть для себя. А Бог — Который знает нас лучше, чем мы себя знаем, и Который любит нас больше, чем мы способны себя любить — Он знает точную меру и не допустит, чтобы вы были искушаемы сверх сил. Любовь смягчает всякое страдание. И человек страдает тем сильнее, чем меньше он любит, или чем слабее его любовь. Бог хочет, чтобы вы принадлежали Ему — а на кресте Он и совершает Своё полное владение человеком.

XXXVIII. СОВЕТ ЧЕЛОВЕКУ, КОТОРЫЙ, НАХОДЯСЬ В МИРУ, ЖЕЛАЕТ ОБРАТИТЬСЯ К БОГУ

Чем больше вы будете делать для Бога, тем больше Он будет делать для вас. Каждый шаг, который вы сделаете на добром пути, обратится в мир и утешение в вашем сердце. То самое совершенство, которого люди так боятся, опасаясь, как бы оно не оказалось печальным и стеснительным, есть совершенство лишь постольку, поскольку оно увеличивает добрую волю. А по мере того как совершаемое возрастает, усталость и скука уменьшаются, ибо нет стеснения в том, чтобы делать только то, что любишь. Когда

совершаешь тяжёлое дело с большой любовью, эта любовь смягчает труд, и ты рад страдать. Что может быть лучше, чем всегда быть довольным и не терпеть ни одного креста, который не доставлял бы вам большего утешения, чем противоположные удовольствия?

Это — то удовлетворение, которое вы никогда не найдёте в сердце, когда предаётесь страстям, и которое никогда не оставит вас, если будете искать Бога. Правда, это не всегда — чувственное и льстящее удовлетворение, какое дают мирские удовольствия; но это — истинное удовлетворение, намного превосходящее мирское, ибо грешники всегда жаждут того, чего у них нет, а души, исполненные любви к Богу, не хотят ничего, кроме того, что уже имеют. Это — мир, иногда сухой и даже горький, но душа предпочитает его упоению страстей. Это — мир, в котором ты согласен с самим собой, мир, нарушаемый и омрачаемый только неверностью. Чем меньше неверности, тем больше наслаждение этим блаженным миром. Так как мир не может его дать, то и отнять он его тоже не может. Если вы не хотите верить — попробуйте. Вкусите и увидите, как благ Господь (Пс. 33:9).

Нет ничего лучше, чем установить для себя определённый распорядок дня: делать каждый день немного чтения и немного молитвы — молитвы сердечной и медитативной — чтобы вновь вспомнить о своих слабостях, познать свои обязанности, обратиться к Богу и привыкнуть к простому пребыванию с Ним. Как вы будете счастливы, если узнаете, что значит “занятие любовью”! Не нужно спрашивать, что именно вы делаете с Богом, когда любите Его. Не трудно беседовать с другом; всегда есть, что ему сказать, всегда хочется открыть ему своё сердце. Не ищешь слов, — говоришь, не обдумывая, ничего не скрываешь. А если даже нечего сказать, довольствуешься тем, что просто находишься с Ним. О, любовь куда лучше удерживает, чем страх! Страх связывает и сковывает, при этом тревожа, а любовь — убеждает, утешает, владеет всей душой и побуждает желать добра ради самого добра. Правда, нам всегда нужен и страх судов Божиих, чтобы уравновешивать страсти: “Да трепещет от страха пред Тобой плоть моя, Господи” (Пс. 118:120).

Но начав с такого страха, который усмиряет плоть, нужно поскорее стремиться к любви, которая утешает дух. О, как вы познаете Бога как благого и верного друга, если захотите вступить с Ним в искреннюю и постоянную дружбу! Главный пункт, если вы хотите по-настоящему отдаться Ему — это перестать доверять себе, взирая на столько уже испытанную вами слабость, и без промедления отказаться от всех связей, которые могут вас вновь увлечь назад. Если вы хотите любить Бога, то зачем вам проводить жизнь в обществе тех, кто Его не любит и насмехается над Его любовью? Почему бы вам не удовольствоваться общением с теми, кто Его любит и может укрепить вас в вашей любви к Нему? Я не прошу, чтобы вы сразу, без всякой меры, порвали со всеми друзьями и со всеми людьми, с которыми приличие требует хоть какого-то общения. Речь идёт о постоянных связях, которые сильно развращают сердце и незаметно тянут назад, вопреки даже самым твёрдым решениям.

Речь идёт о том, чтобы отрезать частые разговоры с пустыми женщинами, ищущими лишь понравиться, и с иными людьми, чьё общество возбуждает вкус к удовольствиям, приводит к пренебрежению благочестием и влечёт к опасному рассеянию. Это пагубно даже для людей, твёрдо стоящих в добродетели — а значит, ещё опаснее для человека, который только начинает первые шаги ко благу и по натуре легко поддаётся развращению. Более того, вы должны укорять себя за ваши долгие неверности и за то, что вы столь долго злоупотребляли благодатью. Бог ждал вас, искал, звал, умолял — почти заставлял вас вернуться к Нему. Разве не справедливо, чтобы теперь вы немного подождали Его?

Разве вам не нужно умерить свои желания, подавить свои привычки — особенно в том, что связано с опасными вещами? Разве вам не нужна серьёзная покаянная жизнь? Разве не

должны вы посвятить своё покаяние на то, чтобы смириться и немного устать от себя самого, чтобы удалиться от заразительных компаний? “Кто любит опасность, в ней и погибнет” (Сирах 3:25). Нужно, чего бы это ни стоило, оставить ближайшие поводы ко греху. По заповеди Иисуса Христа, если твоя нога или рука, или глаз соблазняют тебя — отрежь и вырви их, то есть: если они становятся для нас сетью и причиной падения — их нужно отсечь.

XXXIX. О РАЗВЛЕЧЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ СО СТАТУСОМ ЛЮДЕЙ

(Письмо к человеку, состоящему при дворе). Вам не следует слишком терзаться из-за тех развлечений, участие в которых вы не можете избежать. Многие требуют, чтобы человек во всём сетовал и постоянно себя сдерживал, искусственно возбуждая в себе отвращение к увеселениям, которым он вынужден подчиняться. Что до меня, я не могу примириться с такой суровостью. Мне больше по душе нечто более простое, и я думаю, что и Сам Бог предпочитает это. Когда развлечения сами по себе невинны и когда они происходят в рамках того положения, в которое поставило нас Провидение, я считаю, что достаточно участвовать в них умеренно и с намерением угодить Богу. Сухие, замкнутые манеры, отсутствие любезности и открытости могут лишь создать у мирских людей ложное представление о благочестии — а они и так уже достаточно предвзяты к нему — будто Богу можно служить лишь через мрачную и угрюмую жизнь.

Когда Бог ставит человека в положение, обязывающее участвовать во всем, надо оставаться в мире, не изнуряя себя постоянным самопроверками относительно скрытых побуждений, которые могут незаметно проникнуть в сердце. Если пытаться беспрестанно исследовать глубины своего сердца, можно никогда не закончить. И вместо того, чтобы выйти из себя ради Бога, человек будет всё больше занят собой в этих излишне частых самоиспытаниях. Пусть ваше сердце будет простым, ваше шествие — в простоте, а мир и радость — плодами Духа Святого. Кто живёт в присутствии Божием даже в самых обыденных вещах, тот не перестаёт творить дело Божие, даже если внешне кажется, что он не делает ничего особенно серьёзного или значительного. Я всегда предполагаю, что человек находится в порядке Божием и следует за Провидением в своём положении, даже совершая эти самые «обычные» дела.

Большинство людей, когда хотят обратиться или исправиться, больше думают о том, чтобы наполнить свою жизнь какими-то трудными и необычными поступками, чем о том, чтобы очистить свои намерения и умертвить свои естественные склонности в самых обыденных действиях своего состояния — и в этом они часто сильно ошибаются. Было бы куда полезнее меньше менять действия, и больше — расположение сердца, из которого они исходят. Когда человек уже живёт честно и благопристойно, то, чтобы стать по-настоящему христианином, нужнее изменить внутреннее, а не внешнее. Бог не довольствуется ни звучанием уст, ни положением тела, ни внешними обрядами: Он требует воли, уже не разделённой между Ним и каким-либо созданием; воли, гибкой в Его руках, которая ничего не желает и не отвергает по своей воле, которая хочет без остатка лишь того, чего хочет Он, и ничего — из того, чего Он не хочет.

Несите эту простую волю, всю исполненную воли Божией, туда, куда бы ни направило вас Его Провидение. Ищите Бога в тех часах, которые кажутся вам пустыми — и они будут полны для вас, ибо сам Бог поддержит вас в них. Даже самые бесполезные развлечения обернутся добрыми делами, если вы входите в них только по истинной порядочности и чтобы соответствовать Божьему устройству. Как свободно становится сердцу, когда Бог открывает путь простоты! Человек идёт, как малое дитя, которое мать ведёт за руку — и он позволяет вести себя, не заботясь о том, куда его ведут. Он доволен свободой; готов говорить — и готов молчать. Если не может сказать ничего назидательного, он говорит что-

нибудь пустячное — и от всей души. Он развлекается тем, что святой Франциск Сальский называет «весёлостями»; через это он отдыхает сам, развлекая других.

Вы, может быть, скажете, что предпочли бы заняться чем-то более серьёзным и существенным. Но Бог не хочет для вас этого, раз уж Он Сам избирает не то, что вы бы избрали. Вы, конечно, нашли бы больше утешения в этих серьёзных вещах, вкус к которым Он Сам вам дал; но именно этого утешения Он хочет вас лишить; именно этот вкус Он хочет в вас умертвить — хотя он и добр и полезен. Даже добродетели нуждаются в очищении во время их осуществления, посредством тех препятствий, которые посылает им Провидение, чтобы оторвать их от всякой самовольности. О, как же проста, кротка, мила, благоразумна и безопасна та набожность, которая черпает силу в единственном принципе — воле Божией: не спрашивая о вкусе, ни о характере, ни о порывах чрезмерного рвения! Человек живёт почти так же, как и прочие люди — без всякой наигранности, без вида суровости, в открытом и общительном образе жизни.
Но при этом он неустанно подчиняет себя всем своим обязанностям и постоянно отрекается от всего, что не входит в Божий замысел на каждый данный момент. Наконец, он взирает только на Бога, и Ему приносит в жертву все неупорядоченные движения своей природы. Вот та самая «поклонение в духе и истине», которое ищут Иисус Христос и Его Отец. Всё остальное — лишь внешняя религиозность, тень, а не суть христианства.

Вы, конечно, спросите меня, какими средствами можно сохранить такую чистоту намерений в жизни столь обыденной и, на первый взгляд, столь увеселительной. Ведь, скажете вы, человеку с трудом удаётся защитить своё сердце от потока страстей и дурных примеров мира, даже когда он непрестанно начеку против самого себя; как же тогда надеяться устоять, если столь легко подвергать себя тем увеселениям, которые отравляют, или, по меньшей мере, опасно рассекают душу христианина? Я признаю опасность, и даже считаю её большей, чем можно выразить словами. Я согласен, что необходимо вооружиться против стольких сетей, и вот к чему я хотел бы свести эти меры предосторожности. Прежде всего, вы должны положить в основание всего чтение и молитву. Я не говорю о чтении из любопытства, чтобы обрести учёность в вопросах религии — ничто не бывает более бесполезным и опасным.

Я говорю только о простом чтении, далёком от всяких тонкостей, ограниченном вещами практически полезными, и полностью направленном на питание сердца. Избегайте всего, что возбуждает ум и губит ту благословенную простоту, которая делает душу послушной и готовой принять всё, чему учит Церковь. Когда вы читаете не чтобы знать больше, а чтобы лучше научиться недоверять себе, это чтение принесёт пользу. К чтению прибавьте молитву, в которой вы будете в глубокой тишине размышлять над какой-нибудь великой истиной веры. Вы можете делать это, размышляя о каком-либо поступке или слове Иисуса Христа. Убедившись в правде того, над чем вы размышляете, примените её серьёзно и точно к исправлению своих конкретных недостатков; сформируйте перед Богом твёрдые намерения и просите Его воодушевить вас на исполнение того, что вы Ему обещали.

Если во время этой практики вы заметите, что ваш ум ускользает, возвращайте его с мягкостью, без тревоги и без малейшего уныния от надоедливых рассеянностей, которые бывают упорны. Пока они непроизвольны, они вам не повредят; напротив, они могут быть полезнее, чем молитва, сопровождаемая утешением и чувственной горячностью, ибо они смиряют вас, умерщвляют и учат искать Бога ради Него самого, без примеси какого-либо удовольствия. Лишь бы вы были верны в том, чтобы выделять утром и вечером определённое время для этих упражнений, вы увидите, что они послужат противоядием против окружающих вас опасностей. Я говорю: утром и вечером, потому что, как телу, так и душе нужна постоянная пища, чтобы она не истощалась в общении с тварным и суетным. Но для этого нужно быть твёрдым и по отношению к себе, и к другим, чтобы всегда

сохранить это время. Нельзя позволять внешним делам, какими бы хорошими они ни были, лишать вас времени на духовную пищу.

Второе средство, которое я считаю необходимым — это время от времени, насколько позволяет ваше положение и ваша нужда, устраивать себе дни полного уединения и сосредоточения. Вот где у ног Иисуса Христа в тайне исцеляются все раны сердца и стираются все ядовитые следы мира. Это полезно даже для здоровья: если уметь пользоваться такими уединениями просто и смиренно, они дают отдых телу не меньше, чем духу. В-третьих, я предполагаю, что вы ограничиваете себя лишь теми развлечениями, которые соответствуют вашему христианскому званию и тому доброму примеру, которого ожидает от вас даже сам мир. Потому что мир — каков бы он ни был — требует, чтобы те, кто его презирает, не отступали от своего презрения ни на шаг; и он невольно уважает тех, в ком узнаёт подлинное, искреннее презрение к себе.

Истинные христиане должны радоваться, что мир — столь строгий цензор, потому что это побуждает их быть ещё более осторожными, чтобы никогда не поступать неназидательно. Наконец, я полагаю, что вы не должны участвовать в придворных развлечениях иначе, как по вежливости и только если вас пригласили. Так, всякий раз, когда вас не зовут и не желают видеть, нельзя ни появляться, ни стремиться получить приглашение косвенными путями. Тем самым вы сможете посвятить всё ваше свободное время домашним делам и благочестивым упражнениям. Общественное мнение, или, по крайней мере, люди здравые и не озлобленные против добродетели, будут в равной мере назидаться, видя в вас и сдержанность в стремлении к уединению, и снисходительность в дозволенных увеселениях, когда вы на них призваны.

Я уверен, что, следуя этим простым правилам, вы привлечёте на себя обильное благословение. Бог Сам будет вести вас за руку в этих развлечениях и поддерживать в них. Он будет ощущаться в них каждое мгновение. Радость Его присутствия станет для вас слаще всех предлагаемых удовольствий. Вы будете умеренны, сдержанны, собраны, без напряжения, без напускной строгости, без холодности, неприятной для окружающих. Вы будете, по слову святого Павла, внутри этих занятий — как бы вне их, но при этом покажете доброжелательный, живой нрав, становясь всем для всех. Если вы почувствуете, что уныние подавляет вас или веселье разбрасывает, вы мягко и без тревоги возвращайтесь в объятия Небесного Отца, который всегда простирает их к вам.

Ожидайте от Него радости и духовной свободы в печали, сдержанности и собранности в радости — и увидите, что Он никогда не оставит вас в нужде. Один взгляд доверия, одно простое обращение сердца к Нему обновит вас. И даже если вы часто ощущаете свою душу вялой и обескураженной, в каждом моменте, где Бог требует от вас действия, Он даст вам лёгкость и мужество в соответствии с вашей нуждой. Вот тот хлеб насущный, которого мы просим ежечасно — и который никогда не будет нам недоставать, ибо наш Отец — далёкий от того, чтобы нас оставить — ищет лишь одного: чтобы наши сердца были открыты для излияния потоков Его благодати.

XL. Совет человеку военной профессии

Берегитесь, сударь, случайно не брать для молитвы отрывки из Священного Писания, ибо тем самым вы испытываете Бога. Хотя всё Писание вдохновлено для наставления человека, не все его места одинаково предназначены для прямых и немедленных указаний каждому, они не всегда соответствуют пониманию конкретного человека и не всегда отвечают нуждам каждого верующего. Поэтому выбирайте те места, которые лучше всего подходят к вашему положению и помогают исправлять ваши недостатки. Ищите тексты, которые вдохновляют на бодрость духа, на доверие к Богу, на мужество против самого себя и верность долгу по вашему положению. Сопровождайте такое размышление чтением в

другое время дня. Можно читать, например, беседы святого Франциска де Сальского — они подробно учат, облегчают практику, ободряют и показывают дух свободной и простой любви, с которой нужно радостно служить Богу.

Размышления о величии и доброте Бога могут часто служить вам предметом для медитаций. Однако не начинайте размышлять без конкретных слов или отрывков, которые бы фиксировали внимание вашего неспокойного ума. Иначе потратите время впустую, и сердце не будет питаться. Нужен всегда ясный и простой предмет размышления, без тонких умозаключений. Лучше просите у Бога чувств, которые привяжут вас к Нему, потому что не умом и рассуждением Он привлекает души, а движением сердца и смирением нашего духа. Не надейтесь в медитации достичь полного отсутствия рассеянности — это невозможно. Старайтесь просто использовать рассеянность, терпеливо её перенося, не унывая. Всякий раз, замечая её, спокойно возвращайтесь к Богу. Тревога из-за рассеянности — более опасное отвлечение, чем сама рассеянность.

Полчаса медитативного чтения Евангелия по утрам и вечернее чтение бесед св. Франциска де Сальского будут вам вполне достаточны, учитывая ваш ограниченный свободный час. В свободное время читайте исторические книги, пособия по фортификации и всё, что полезно для человека вашего звания. Не позволяйте моментам пустоты. Момент, когда вы ничем не занятые, — это момент большого вреда. Жёстко порицайте в себе праздность, леность и пустые забавы. Если ваши действия по своей сути добры, не углубляйтесь в раздумья о мотивах, которыми они вызваны. Иначе вы никогда не закончите внутренний спор, перестанете понимать себя, впадёте в уныние и потеряете время, вместо того чтобы действовать. Не принимайте благочестие с тяжёлой, мрачной, строгой и принуждающей серьёзностью. Там, где Дух Божий, там истинная свобода. Если однажды вы полюбите Бога всем сердцем, то почти всегда будете радостны и безмятежны.

Если же будете подходить к Нему, как иудей, только из страха, то не найдёте Его, а обрящете лишь смущение и тревогу. Никогда не отказывайтесь участвовать во всех общественных делах, куда ходят другие — не только из опасения, но и для того, чтобы показать свою усердность и преданность князю. Будьте хорошим другом — отзывчивым, услужливым, открытым; это заставит вас любить и уменьшит критику. Пусть видно будет, что вы отказываетесь от распутства молодёжи не из угрюмости или раздражения, а из истинной религии и мужества. Кроме того, будьте веселы, тактичны, обходительны, надёжны в общении, без показной манеры. Имейте мало друзей, но много знакомых; старайтесь нравиться тем, кто считается честным и чьё мнение имеет вес, а также тем, кто преуспел в деле, которому вы хотите научиться. Не бойтесь спрашивать их, когда установите с ними более свободное общение.

XLI. Последствия мягкости и рассеянности.

Правило поведения, чтобы бороться с ними и преодолеть себя. То, чего вам следует опасаться больше всего, сударь, — это мягкость и рассеянность. Эти два недостатка способны привести к величайшему беспорядку даже самых решительных людей, желающих жить добродетельно и исполненных отвращения к пороку. Мягкость — это вялость души, которая делает её апатичной и лишает всякого стремления к добру; но это — предательская вялость, которая тайно питает страсть ко злу и скрывает под золой пламя, всегда готовое разгореться. Нужна мужественная, сильная вера, чтобы обуздывать эту мягкость, не слушая её никогда. Как только человек начинает слушать её и торговаться с ней — всё потеряно. Она причиняет столько же зла в глазах мира, сколько и в глазах Бога. Мягкий и рассеянный человек — всегда ничтожество. Если он занимает высокое положение, то он будет там только для того, чтобы опозориться.

Мягкость отнимает у человека всё, что может делать его выдающимся. Мягкий человек — не мужчина, а наполовину женщина. Любовь к комфорту всё время уводит его в сторону, вопреки его же интересам. Он не может развивать свои способности, ни приобретать нужные знания в своей профессии, ни настойчиво трудиться в тяжёлых обязанностях, ни долго сдерживать себя, чтобы подстраиваться под вкусы и характеры других, ни мужественно работать над собственным исправлением. Он — как тот ленивец из Писания, который "хочет — и не хочет"; хочет на расстоянии того, чего следует хотеть, но опускает руки от усталости, едва взглянув на труд вблизи. Что делать с таким человеком? Он ни на что не годен. Его тяготят дела, его утомляет серьёзное чтение, служба в армии мешает его удовольствиям, даже присутствие при дворе ему в тягость.

Ему бы хотелось всю жизнь провести на мягкой постели. Стоит ему заняться делом — минуты кажутся ему часами. Занимается развлечениями — часы становятся для него мгновением. Всё его время уходит сквозь пальцы — он и сам не знает, как. Он проживает дни, не зная, что живёт. Спросите его, что он делал утром — он не знает. Он спал как можно дольше, одевался медленно, поболтал с первым встречным, несколько раз прошёлся по комнате, безразлично послушал мессу… Наступил обед — вторая половина дня пройдёт так же, как утро… и вся его жизнь будет как этот день. Повторяю ещё раз — такой человек ни на что не годен. Даже одна только гордость уже могла бы не позволить ему терпеть самого себя в состоянии, столь недостойном человека. Даже человеческая честь заставила бы взорваться от стыда и отчаяния, когда он увидит себя таким ничтожным.

Такой человек будет не только неспособен на добро, но вскоре впадёт в самые большие бедствия. Удовольствие его предаст. Ведь не напрасно плоть требует, чтобы её льстили. Сначала она покажется вялой и равнодушной — а затем вдруг станет яростной и животной. Вы заметите это пламя, лишь когда уже будет поздно тушить его. Надо даже опасаться, что ваши религиозные чувства, соединившись с вашей мягкостью, постепенно вовлекут вас в такую серьёзную и замкнутую жизнь, которая внешне будет выглядеть вполне благопристойно, но в глубине окажется лишённой всякой подлинной основы. Вы будете считать большой заслугой то, что удалились от легкомысленных компаний молодёжи, но не заметите, что религия будет для вас лишь предлогом, чтобы избежать общения с ними. Ведь вы с ними скованы, у вас нет нужной лёгкости, вы не в моде среди них, вы не обладаете весёлым и беспечным нравом, который они ценят.

И всё это по вашему собственному вкусу заведёт вас в жизнь более серьёзную и замкнутую, но бойтесь, чтобы это не стало серьёзностью столь же пустой и опасной, как и их весёлые безрассудства. Мягкая серьёзность, где страсти царят печально, приводит к тусклой, вялой, разложившейся жизни, которая вызывает отвращение даже у самого мира, каким бы мирским он ни был. Так вы будете постепенно отказываться от мира, но не ради Бога, а ради своих страстей или, по крайней мере, ради ленивого образа жизни, который вовсе не более угоден Богу, а даже более презренен в глазах мира, чем самые распущенные страсти. Вы оставите высокие цели, но только для того, чтобы увлечься мелочами, безделушками, развлечениями, которых достаточно стыдиться, едва выйдя из детства.

Теперь перейдём к средствам, которые помогут вам предостеречь себя от самого себя в этих вопросах. Во-первых, необходимо раз и навсегда установить правило, что ни одно мгновение не должно оставаться пустым. Как только вы чувствуете, что остались без дела — возьмите в руки какую-нибудь полезную книгу, составьте план для чтения, займитесь письмом, упражняйтесь в чём-нибудь нужном, обратитесь к Богу — но не оставайтесь праздным. Праздность — начало всех пороков. Во-вторых, заведите строгий распорядок дня, где каждой части времени будет отведено своё определённое дело — работа, молитва, чтение, беседа, отдых.

Дисциплина времени — первое средство от мягкости и рассеянности. Без порядка всё рассыпается, и человек сам не понимает, как утратил весь день. В-третьих, работайте над телесной закалкой: долгие прогулки, умеренность в пище, ранний подъём, отказ от изнеженности, бдительность над своими желаниями. Плоть — это ворота к мягкости, а мягкость — путь к погибели. И наконец, молитесь с постоянством: утром — чтобы настроить день, вечером — чтобы очиститься от его пыли, в течение дня — чтобы не потерять присутствие Божие.

Первое средство — составить себе распорядок, чтобы заполнить всё своё время, и неуклонно ему следовать, чего бы это ни стоило. Второе — включить в этот распорядок, как самое важное правило, обязательную ежедневную получасовую молитвенную или медитативную чтение, где вы всегда будете обновлять свои решимости бороться с мягкостью. Третье — каждый вечер делать examen de conscience, то есть самоиспытание: поддались ли вы сегодня мягкости, потеряли ли время. Четвёртое средство — иметь хорошего друга или домашнего слугу, достаточно деликатного и в то же время ревностного, чтобы мог вас тайно предупреждать, когда заметит, что мягкость снова начинает вас одолевать. Чтобы быть в состоянии принимать такие советы, нужно искренне их просить, показать тем, кто вас предупреждает, что вы им благодарны, и что пытаетесь извлечь из этого пользу. Никогда не проявляйте по отношению к ним раздражения, упрямства, высокомерия или подозрительности.

Что касается ваших занятий, их нужно упорядочить, будь то в армии, будь то при дворе. Везде нужно завести для себя устойчивый порядок, так, чтобы редко от него отступать. Утром — чтение с молитвенным размышлением, прежде всего, когда все ещё думают, что вы лежите в постели. К вечеру — другое чтение. Если вы почувствуете, что оно настраивает вас на внутреннее внимание, вы сможете постепенно привыкнуть молиться вечером, как утром. Но сначала не стоит утомлять себя или насиловать слишком долгими молитвами. Надо быть учтивым со всеми, в тех местах, где бывают все: при дворе, у короля, в армии, у генералов. Надо стараться приобрести некоторую утончённость в обращении, чтобы отдавать каждому должное с достоинством. Никакого высокомерия, никакой напыщенности, никакой навязчивости. Уметь обращаться с каждым по его положению, репутации, достоинству, влиянию: – тем, кто достоин, — уважение, – тем, кто обладает способностями и честностью, — доверие и привязанность, – тем, кто занимает должности, — вежливость и подобающие церемонии.

Таким образом, удовлетворить общественные ожидания, представляя себя достойно в тех местах, где важна внешность. Приветствовать всех, хорошо обращаться с каждым мимоходом, но беседовать только с немногими. Плохое общество бесчестит, особенно молодого человека, от которого ещё всё ждут и всё оценивают. Можно редко с кем видеться, но нельзя видеть тех, кого порицают. Не надо насмехаться над ними, как это делают другие, но надо мягко отдаляться от них. Читайте книги, соответствующие вашему положению, особенно по истории своей страны. Будучи весёлым и вежливым в общении со всеми на публике, и при этом занятым благородными делами своей профессии — даже с точки зрения мира — вам нечего бояться, что вы станете замкнутым.

Поскольку пустое уединение позорно, уединение, наполненное исполнением долга, возвышает человека над всеми бездельниками, которые никогда не учатся ремеслу своей жизни. Если будет известно, что вы трудитесь, чтобы не оставаться невеждой в истории и военном искусстве, никто не посмеет осудить вашу религиозность; многие даже не заподозрят её, а подумают просто, что вы мудрый и целеустремлённый человек. Такой образ жизни позволит вам избавиться от легкомысленного общества молодых людей, и благодаря этому вы сможете уединиться, чтобы целиком отдаться Богу и исполнению долга того состояния, в которое поставил вас Промысл.

Помимо того, что нельзя никогда показывать, будто вы ставите себя выше других, необходимо также иметь простые, естественные, искренние манеры, открытое лицо, что-то приветливое в случайном общении; всё в вас должно выражать благородство, возвышенность, великодушное, отзывчивое и благожелательное сердце, тронутое чужими достоинствами; должно быть старание оказать услугу, сожаление, если это невозможно; тонкость — чтобы предвосхищать нужды достойных людей, понимать их с полуслова, избавлять их от лишних затруднений, говорить лишь намёками, когда не стоит выражаться прямо; при этом приправлять свои услуги всем тем, что делает их приятными, но не подчёркивая свою заслугу.

Гордость ищет славы таким путём, а религия должна идти тем же путём к истинной благопристойности, исключительно из божественных побуждений. Нет ничего столь благородного, столь утончённого, столь великого и героического, как сердце истинного христианина, но в нём нет ничего фальшивого, ничего наигранного, всё в нём — просто, скромно и действенно. Вот, в общих чертах, что касается общения в обществе. Остаётся ещё общение с определёнными приятелями, с которыми у вас поверхностная дружба. На них не следует полагаться, не стоит прибегать к их помощи, если нет особой нужды, но возможно и желательно — оказать им услугу, чтобы заслужить их признательность. Не обязательно, чтобы такие люди были в высшей степени добродетельны: достаточно поддерживать с ними внешнее знакомство, если они считаются порядочными людьми. Именно с ними можно останавливаться, беседовать, а с прочими — ограничиваться простым приветствием. Навещать их по случаю, быть с ними в общих местах, но не участвовать в их увеселениях и не посвящать их в свои дела.

Если они захотят сблизиться больше, нужно мягко уклоняться. Что касается настоящих друзей, их нужно выбирать с большой осторожностью, а значит — ограничиваться очень малым числом. Никакой тесной дружбы с тем, кто не боится Бога, и кем не управляют чистые религиозные принципы — иначе он вас погубит, как бы добр ни был его характер. По возможности выбирайте друзей немного старше вас по возрасту — это поможет вам быстрее возмужать. Что касается истинных, близких друзей, перед ними — открытое сердце; ничего от них не скрывать, кроме тайн, доверенных вам другими, или вещей, в которых вы опасаетесь, что они могут быть пристрастны. Будьте пылким, бескорыстным, верным, деятельным, постоянным в дружбе, но никогда не закрывайте глаза на недостатки друзей и на различие в их достоинствах. Пусть они всегда находят вас рядом, и пусть их несчастья никогда не остужают вашу привязанность.

Хорошо относитесь к своим слугам: пусть ваша власть будет твердой, но кроткой; заботьтесь о понимании их нужд, делайте им как можно больше добра, отличайте тех, кто этого достоин, и старайтесь привязать их к себе сердцем. Снисходите к их недостаткам, если они несущественны и есть добрая воля исправиться. Откажитесь от тех, кого невозможно сделать достойными людьми в их звании. И наконец — вспомните, сударь (и я завершаю тем, с чего начал), что мягкость души разрушает всё, делает всё пресным, лишает соков и силы все добродетели и даже естественные достоинства души, даже по человеческим меркам. Человек, предавшийся мягкости, — слаб и жалок во всём; он настолько тёпл, что Бог извергает его. И мир извергает его тоже, потому что не терпит ничего, кроме живого и твёрдого. Такой человек — отброс как для Бога, так и для мира. Он — ничто, он как будто не существует. Когда о нём говорят, говорят: «это не мужчина». Бойтесь же, сударь, этого порока, который стал бы источником множества других. Молитесь, бодрствуйте — но бодрствуйте против самих себя. Щиплите себя, как щиплют впавшего в летаргию. Позвольте друзьям „уколоть“ вас, чтобы разбудить. Постоянно прибегайте к Таинствам, которые есть источники жизни, и никогда не забывайте, что и мирской человек, и человек Евангелия — здесь заодно: оба царства принадлежат только тем, кто берёт их приступом.

Размышления над несколькими местами Священного Писания

1. «Мир распят для меня, как и я распят для мира» (Гал. VI, 14)
Недостаточно, по слову апостола, чтобы мир был распят для нас — мы сами должны быть распяты для него. Мы думаем, будто далеки от мира, потому что живём в уединении; но при этом говорим языком мира: у нас его чувства, его любопытства; мы жаждем славы, дружбы, развлечений, у нас остаются понятия о благородстве; мы с трудом переносим даже малейшие унижения. Мы говорим, что готовы забыть мир, но в глубине души не хотим, чтобы мир забыл нас. Тщетно ищет человек середины между Иисусом Христом и миром.

2. «Будьте внимательны в братолюбии» (1 Пет. I, 22)
Этими словами апостол хочет сказать, что ваша любовь должна быть всегда бдительной, чтобы не причинить ближнему вреда. Без этой осторожности любовь, столь хрупкая в земной жизни, быстро исчезает. Слово, сказанное с надменностью или раздражением, резкий или презрительный взгляд может глубоко ранить слабую душу. Нужно беречь творения столь дорогие Богу, члены столь драгоценные Христу. Если вам недостаёт такой внимательности — вам недостаёт и любви, ведь нельзя любить, не заботясь о том, кого любишь. Эта внимательность любви должна наполнять весь ум и сердце. «Паси овец Моих» (Иоан. 21:16) — эти слова Иисуса Христа к святому Петру в известном смысле обращены к каждому из нас, как призыв к сердечной заботе друг о друге.

3. «Я пришёл не чтобы Мне служили, но чтобы служить» (Марк. 10:45)
Вот что должны говорить себе все, кто облечён хоть какой-то властью над другими. Это — не более чем служение. Нужно действительно служить тем, кем, кажется, повелеваешь: терпеливо сносить их недостатки, исправлять их мягко и терпеливо, ждать их на пути Божьем, стать всем для всех, считать себя существующим ради них, смиряться, чтобы смягчить даже необходимые обличения, не падать духом, просить у Бога перемены их сердца, которую ты сам не можешь совершить. Вспомните: как вы поступаете с теми, кого вам поручено вести перед Богом?

4. «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» (Матф. XI, 29)
Только Сын Божий мог дать нам этот божественный урок. Он, будучи равен Отцу, уничижил Себя, как говорит святой Павел, приняв образ и состояние раба (Флп. 2:6–7). Чего Он не сделал ради любви к нам? Чего Он не претерпел от нас — и что продолжает терпеть? Он был ведом, как овца на заклание (Ис. 53:7), и не слышно было жалобы от Него. А мы — жалуемся от малейших бедствий; мы — тщеславны, изнеженны, обидчивы. Нет подлинной, постоянной кротости без смирения. Пока мы полны самих себя, нас будет всё раздражать в ближнем. Будем убеждены, что нам ничего не причитается — и тогда ничто не сможет нас озлобить. Чаще вспоминая о наших немощах, мы станем снисходительны к немощам других. Пусть нас питает это великое и сладостное слово Сына Божьего: «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем».

5. Научи меня молиться. (Лк. 11:1)
Господи, я не знаю, что мне следует просить у Тебя. Один Ты знаешь, в чём мы нуждаемся; Ты любишь меня больше, чем я умею любить самого себя. О, Отче, даруй Своему ребёнку то, чего он сам не умеет просить. Я не осмеливаюсь просить ни креста, ни утешения; я лишь предстаю пред Тобой, открываю Тебе своё сердце. Взгляни на мои нужды, которых я сам не знаю; увидь их — и поступи по Своей милости. Ударь или исцели; сокруши или подними меня. Я поклоняюсь всем Твоим волям, не зная их; я молчу, приношу Себя в жертву, предаюсь Тебе. У меня больше нет других желаний, кроме как исполнить Твою волю. Научи меня молиться, молись Сам во мне.

6. Кто обманывает своё сердце, у того религия тщетна. Иак. 1:26
Сколько заблуждений в благочестии! Одни полагают, что оно состоит только во множестве молитв; другие — в обилии внешних дел, совершаемых ради славы Божией и помощи ближним. Некоторые видят благочестие в постоянном желании спастись; другие — в великих аскетических подвигах. Всё это хорошо, и до определённой степени — необходимо. Но мы заблуждаемся, если считаем это основанием и сутью истинной набожности. Это благочестие, которое освящает нас и всецело посвящает нас Богу, состоит в том, чтобы исполнять всё, что Он желает от нас, — точно в то время, в том месте и в тех обстоятельствах, куда Он нас поставил. Сколь бы велики ни были наши подвиги, сколь бы блистательны ни были наши дела, — мы получим награду только за исполнение воли нашего Верховного Владыки.

Слуга, который творит чудеса в доме, но не делает того, чего от него хотят, — будет упрекнут как плохо служащий, несмотря на всё своё усердие. Совершенное посвящение, от которого и происходит слово «набожность» (dévotion), требует не только исполнения воли Божией, но и исполнения с любовью. Богу угодно, чтобы Ему давали с радостью, и во всём, что Он нам повелевает, — Он прежде всего требует сердца. Такой Владыка вполне достоин того, чтобы мы считали себя счастливыми принадлежать Ему. Это посвящение должно проявляться одинаково во всём: в том, что нам неприятно, что противоречит нашим желаниям, склонностям, планам. Оно должно готовить нас отдать всё: имущество, время, свободу, жизнь и доброе имя. Быть в таком расположении духа и приводить его в исполнение — вот что значит быть по-настоящему благочестивым.

7. Терпением вашим спасайте души ваши. Лк. 21:19
Нетерпение — это желание того, чего нет, или отказ от того, что есть. Нетерпеливая душа — это душа, преданная своей страсти, неподвластная ни разуму, ни вере. Какое же это безумие и слабость! До тех пор, пока мы хотим того зла, которое переносим, — оно уже не зло. Зачем же делать из него подлинное зло, переставая его хотеть? Внутренний мир заключается не в чувствах, а в воле. Он сохраняется даже посреди самой горькой боли — если воля остаётся твёрдой и покорной. Мир в этом мире обретается не в избавлении от страданий, а в принятии их.

8. Да будет воля Твоя и на земле, как на небе. Мф. 6:10
Да будет воля Твоя на земле, как на небе. Ибо ничто не совершается здесь, как и на небе, без воли или попущения Божия. Но люди любят эту волю только тогда, когда она совпадает с их желаниями. Будем же любить её, любить только её — и тогда земля для нас станет небом.

9. Те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями. Гал. 5:24
Чем больше мы боимся креста, тем больше он нам нужен. Не падайте духом, когда рука Божия возлагает на вас тяжкое бремя. Судите о тяжести вашей болезни по силе средств, которые применяет небесный Врач. Мы, несомненно, глубоко больны, и Бог поистине милостив, раз Он, несмотря на трудности нашего обращения, берётся нас исцелять. Да извлечём же из самых крестов источник любви, утешения и доверия, говоря с апостолом: «Кратковременное лёгкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу».

10. Носите бремена друг друга — и таким образом исполните закон Христов. Гал. 6:2
Любовь не требует от нас, чтобы мы совсем не замечали недостатков ближнего — это значило бы выколоть себе глаза. Но она требует, чтобы мы не всматривались в них без нужды и не делали это с намерением. Она требует также, чтобы, видя дурное, мы не оставались слепыми к доброму. Всегда надо помнить, на что способен Бог — как Он может мгновенно возвысить самое ничтожное и недостойное существо. Надо напоминать себе

причины, по которым мы сами достойны презрения. Надо помнить, что любовь охватывает и самое низкое. Любовь, взирая Божиим взором, видит, что презрение к ближнему содержит в себе нечто грубое и надменное, что гасит дух Христов. Благодать не слепа к унизительному, но она сносит его ради того, чтобы войти в тайные намерения Божии.

Она не поддаётся презрению, ни раздражению — потому что уповает только на Бога и вне Него видит только ничто и грех. Если другие слабы — разве это повод быть менее сдержанным с ними? Ты, кто жалуется на то, что тебе приходится терпеть — неужели ты не причиняешь страданий другим? Ты, кто возмущён недостатками ближнего — разве ты сам совершенен? Как бы ты удивился, если бы вдруг все, кому ты в тягость, возложили бы своё бремя на тебя! Но даже если бы ты мог оправдаться перед людьми — разве Бог, Который знает всё и имеет столько поводов укорить тебя, не может одним словом посрамить тебя? Не приходило ли тебе в голову, что Он спросит тебя, почему ты не оказал хотя бы немного той милости брату твоему, которую Он, твой Владыка, изливает на тебя так щедро?

11. Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно. Лк. 10:41–42

Мы думаем, будто у нас тысяча дел, но на самом деле — только одно. Если оно будет выполнено, всё остальное исполнится само собой. Если оно будет упущено — всё остальное, каким бы успешным оно ни казалось, обернётся ничем. Зачем же тогда разделять сердце и рассеивать заботы? О, единственное дело, ради которого я живу на земле, — отныне ты будешь предметом моего единственного внимания! Светом Божиим я буду каждый миг, без тревоги, совершать то, что Его Промысл представит мне в качестве моего дела, согласно силам, которые Он мне даст. Остальное я оставлю, ибо оно не моё. «Отче, я совершил дело, которое Ты поручил Мне совершить» (Ин. 17:4) — каждый из нас должен быть готов сказать это в день, когда придёт дать отчёт.

Я должен считать своим делом именно то, что ежедневно предстоит по Божьему распоряжению, и заниматься им, как подобает: со вниманием и с миром. Ничего не упущу, но ни к чему не буду привязан страстно. Ибо опасно делать Божье дело небрежно или присваивать его себе из-за самолюбия или ложного рвения. Тогда человек действует не духом Божиим, а по своим желаниям: он делает плохо, раздражается, горячится, жаждет успеха. Слава Божия служит ему только прикрытием самообмана. Самолюбие, прикрытое ревностью, впадает в уныние и досаду, если не видит успеха. О Боже, даруй мне благодать быть верным в деле и равнодушным к результату. Моё единственное дело — желать Твоей воли и пребывать в Тебе даже посреди дел. А Твоё дело — дать моим слабым усилиям тот плод, какой Тебе угодно: если ни одного — пусть так.

12. Безумец! В эту ночь душу твою возьмут у тебя. Кому же достанется то, что ты приготовил? Лк. 12:20

Ничто не страшнее смерти — для тех, кто любит жизнь. Удивительно, как прошедшие века не научили нас судить здраво о настоящем и будущем, не вырвали нас из обольщения. Мы околдованы миром, как будто он никогда не кончится. Память о тех, кто сегодня играет величайшие роли, исчезнет вместе с ними. Бог попускает всему исчезнуть в бездне забвения — особенно людям. Пирамиды Египта ещё стоят, но имя их строителя забыто. Что же мы делаем на земле? К чему самая приятная жизнь, если она не ведёт нас мудрыми и христианскими мерами к смерти, ещё более сладкой и блаженной? Будьте готовы, ибо в час, который не думаете, придёт Сын Человеческий (Мф. 24:44).

Это обращено лично к каждому из нас, в каком бы положении мы ни были. И всё же даже добродетельные люди строят планы, словно им предстоит долгая жизнь, даже если она уже на исходе. Если даже в последней стадии неизлечимой болезни мы надеемся на выздоровление — чего же ждать от здоровых? Откуда в нас такая упрямая надежда на жизнь? — Потому что мы её страстно любим. А почему так боимся смерти? — Потому что не

любим Царствия Божия и славы будущего века. О люди, чьё сердце прижато к земле и не может подняться над нею, — земле, где, по вашему же признанию, вы так несчастны! Единственный способ быть готовым к последнему часу — это хорошо использовать все остальные и всегда быть готовым к этому часу.

13. «Глаз не видел, ухо не слышало и сердце человека не постигло, что Бог приготовил любящим Его». 1 Кор. 2:9

Какое же соотношение между тем, что мы делаем на земле, и тем, на что надеемся на небе! Первые христиане постоянно радовались в свете этих надежд. Им всё время казалось, что небо уже раскрывается перед ними. Кресты, позор, мучения, жестокая смерть — ничто не могло их остановить. Они знали бесконечную щедрость Того, Кто вознаградит такие страдания. Они считали, что страдают недостаточно. Они радовались, если их признавали достойными глубокого унижения. А мы? Мы — души вялые и трусливые — не умеем страдать, потому что не умеем надеяться. Нас подавляют даже малейшие кресты — и часто те, что мы сами себе создали своим гордостью, нетерпением и изнеженностью.

14. «Где Дух Господень, там свобода». 2 Кор. 3:17

Любовь к свободе — одна из самых опасных страстей человеческого сердца. Как и всякая другая страсть, она обманывает тех, кто ей следует. И вместо подлинной свободы даёт самое тяжёлое и позорное рабство. Посмотрите на мир — разве вы не терпите множество унижений ради того, чтобы сохранить расположение людей, которых в глубине души презираете? Сколько усилий вы прилагаете, чтобы усмирять свои страсти, когда они слишком сильны, и в то же время угождать другим, чьи прихоти вы боитесь не удовлетворить. Вы скрываете свои страдания, спасаете внешность, ведёте изнуряющую двойную игру. Это ли свобода, которую вы так любите и которую так не хотите отдать Богу? Где она, эта ваша свобода? Покажите её. Я вижу только стеснение, низкое и недостойное рабство, жалкую необходимость притворства.

Вы отказываетесь отдаться Богу, Который хочет вас только ради вашего спасения — и отдаётесь миру, который стремится только поработить и погубить вас. Кажется, будто человек в мире делает только то, чего он хочет, потому что чувствует вкус своих страстей — но он не замечает отвращения, скуки, разочарований, унижений, которые неотделимы от этих удовольствий, даже в самых высоких положениях. Снаружи — всё блестит, а внутри — горечь и тревога. Человек думает, будто свободен, когда он зависим только от себя. Глупая ошибка! Существует ли состояние, в котором человек не зависит от стольких «господ», сколько людей его окружают? Существует ли состояние, в котором он не зависит больше от прихотей других, чем от собственных?

Вся общественная жизнь — это одно сплошное рабство, подчинение приличиям и постоянное стремление нравиться. А наши страсти ещё хуже, чем жесточайшие тираны. Если их не слушаться полностью — нужно каждый час бороться с ними, не зная ни минуты покоя. Они терзают сердце, попирают честь и разум и никогда не говорят: «довольно». А если им отдаться целиком — куда же унесёт этот поток? Я страшусь даже подумать. О, мой Боже, избавь меня от этого гибельного рабства, которое дерзкое человеческое тщеславие называет свободой! Истинная свобода — только в Тебе. Истина Твоя освободит нас — и мы узнаем, что служить Тебе значит царствовать.

15. «Господи, что повелишь мне делать?» Деян. 9:6

Вот что сказал святой Павел, чудесным образом повергнутый и обращённый благодатью Того, Кого он гнал. Увы! Сколько же раз и мы гнали Его — своей неверностью, капризами, страстями, разрушавшими дело Его милосердия в наших сердцах. В конце концов, Он сокрушил нас страданием, сломал нашу гордость, посрамил нашу плотскую мудрость, потряс наше самолюбие. Скажем же Ему теперь с полным доверием: «Господи, что

повелишь мне делать?» До сих пор я обращался к Тебе лишь наполовину. Я откладывал и пытался спасти как можно больше из обломков своей прежней жизни. Но теперь я готов ко всему.

Ты станешь полным Владыкой моего сердца и моей жизни. Недостаточно сделать общее и неопределённое предложение. Так ничего не будет сделано, если оно не станет точным, конкретным, практическим. Святой Августин говорил: «Слишком долго мы носим в себе слабое и неопределённое желание добра». Хочется быть совершенным — но если ничего для этого не делать, это не стоит ничего. Надо желать святости больше, чем всех самых ценных земных благ. И нельзя желать сделать для Бога меньше, чем мы делаем ради мира. Испытай своё сердце: Готов ли я ради Бога пожертвовать самыми укоренившимися привычками, главными влечениями и самыми приятными развлечениями?

16. «Доколе вы будете хромать на оба колена?» 3 Цар. 18:21

«Никто не может служить двум господам». Мф. 6:24. Мы знаем, что нужно служить Богу и любить Его, если хотим спастись. Но нам хотелось бы вычеркнуть из Его служения и любви всё тяжёлое, оставив только приятное. Мы хотим служить Ему — но на условии, что ограничимся одними словами и обрядами. И ещё такими короткими обрядами, от которых быстро устаём и начинаем скучать. Мы хотим любить Его — но так, чтобы при этом можно было любить всё, что Он не любит и что Сам осудил как суету мира. Хотим любить Бога — и не расставаться при этом с нашей самовлюблённостью, доходящей до идолопоклонства, из-за которой вместо того, чтобы подчинить себя Богу, как Тому, ради Кого мы сотворены, мы хотим подчинить Бога себе — и ищем Его лишь как утешение, когда нас подводят другие творения.

Мы хотим служить и любить Бога — при условии, что можно будет стыдиться этой любви, скрывать её как слабость, краснеть перед людьми, будто мы любим кого-то недостойного. Мы готовы дать Богу лишь внешнюю форму религии — просто чтобы не выглядеть безбожниками, и жить так, чтобы всё зависело от мнения мира, не отдавая Богу ничего, кроме того, что разрешит сам мир. Какое же это служение? Какая же это любовь? Бог не принимает иного договора, кроме того, что заключён в нашем первом завете — Крещении, в котором мы пообещали отречься от всего, чтобы принадлежать Ему. Он требует, как в первой заповеди, весь наш ум, всю душу, всё сердце, все силы — без остатка.

Можно ли на самом деле любить Бога и при этом так дорожить мнением мира — Его врага, которого Он столь строго проклял? Можно ли любить Бога — и бояться узнать Его слишком близко, чтобы не пришлось слишком много Ему отдать? Можно ли любить Бога — и довольствоваться тем, что не оскорбляешь Его, не стремясь угодить Ему, прославить Его, свидетельствовать перед людьми ревность и искренность своей любви? Бог без меры и без оговорок отдаёт Себя нам — а мы хотим принести Ему тысячу условий и ограничений! Есть ли на земле создания столь ничтожные, чтобы довольствоваться такой любовью от нас, какую мы не стыдимся предлагать Богу?

17. «Будем делать добро, пока есть время. Наступит ночь, когда никто уже не сможет действовать». Гал. 6:10; Ин. 9:4

Время драгоценно, но люди не знают его цены. Они поймут это только тогда, когда уже не смогут его использовать. Наши друзья просят у нас времени, будто это ничего не стоит, и мы так же легко им его отдаём. Часто нам даже тягостно, что у нас есть свободное время — мы не знаем, что с ним делать, оно нас тяготит. Наступит день, когда четверть часа покажется нам дороже всех сокровищ мира. Бог, столь щедрый и великодушный во всём остальном, учит нас Своим мудрым промыслом, насколько внимательно мы должны относиться к использованию времени. Он никогда не даёт нам двух мгновений сразу. Он

дарует нам второе только после того, как отнял первое, и удерживает третье в Своей руке, не давая никакой уверенности, что оно будет нам даровано.

Время нам дано, чтобы приготовить себя к вечности — и вся вечность будет слишком коротка, чтобы оплакать утрату времени, если мы им злоупотребили. Вся наша жизнь — принадлежит Богу, так же как и всё наше сердце. И того, и другого недостаточно, чтобы воздать Ему должное. Он дал их нам лишь для того, чтобы мы Его любили и служили Ему. Так не крадём у Него ни минуты. Мы не всегда можем совершать великие дела — но мы всегда можем делать то, что подобает нашему состоянию. Молчать, терпеть, молиться — когда нет внешней деятельности — это многое значит в очах Божиих.

Неприятность, помеха, назойливость, несправедливое слово, перенесённые ради Бога, стоят, может быть, дороже получаса молитвы. И время не теряется, когда оно потеряно ради терпения и кротости. Но для этого надо, чтобы такая «потеря» времени была неизбежной и не происходила по нашей собственной вине. Итак, распорядитесь своими днями и искупайте время, как говорит святой Павел, бегством от мира и отказом от благ, которые не стоят того, что они у нас отнимают. Откажитесь от развлечений, бесполезных связей, душевных излияний, льстящих самолюбию, и разговоров, рассекающих ум и ни к чему не ведущих. Вы найдёте время для Бога — и только то время, которое отдано Ему, по-настоящему использовано.

18. «Возвожу очи мои к горам, откуда придёт помощь моя». Пс. 120 (121):1

Напрасно я бы только смотрел себе под ноги, чтобы избежать несметных ловушек, окружающих меня. Опасность снизу — но избавление может прийти только свыше. Туда возношу я свои глаза, чтобы узреть Тебя. Всё на земле — для меня западня, и внутреннее, и внешнее. Всё — западня, Господи, без Тебя. К Тебе одному обращены мои очи и моё сердце. Я не хочу видеть никого, кроме Тебя. Мои враги постоянно осаждают меня, и собственная слабость внушает мне страх. Но Ты победил мир — ради Себя и ради меня — и всемогущая сила Твоя поддержит мою немощь.

19. «Я возлюбил тебя любовью вечной». Иер. 31:3

Бог не стал ждать, пока мы сделаем что-нибудь, чтобы полюбить нас. Ещё до всех веков, ещё прежде чем мы стали существовать, Он уже думал о нас — и думал только о том, как облагодетельствовать нас. То, что Он замыслил в вечности, Он исполнил во времени. Его благодетельная рука излила на нас всякое благо. Даже наши неверности и неблагодарность, почти столь же многочисленные, как Его дары, не смогли иссякнуть источник Его щедрот и прервать течение Его милости. О любовь без начала, Которая возлюбила меня в бесконечных веках, даже тогда, когда я ещё не мог чувствовать Тебя и знать Тебя! О любовь без меры, Которая создала меня таким, каков я есть, Которая даровала мне всё, что я имею, и обещает ещё бесконечно больше! О любовь без перерыва и без измены, которую не смогли потушить все горькие воды моих беззаконий!

Есть ли у меня сердце, о, мой Бог, если я не проникнут благодарностью и любовью к Тебе? Но что я вижу? Бога, Который отдаёт Себя самого, даже после того как уже всё отдал. Бога, Который приходит искать меня туда, куда меня низверг мой грех. Бога, Который принимает образ раба, чтобы освободить меня от рабства моих врагов. Бога, Который становится бедным, чтобы обогатить меня. Бога, Который зовёт меня и бежит за мной, когда я бегу от Него. Бога, Который умирает в муках, чтобы вырвать меня из лап смерти и вернуть мне счастливую жизнь. — И я часто не хочу ни Его, ни жизни, которую Он предлагает! Что бы сказали о человеке, если бы он любил другого человека так, как Бог любит нас? И какого проклятия не заслуживает тот, кто, после всего этого, не любит Господа Иисуса?

20. «Кого мне иметь на небе? И с Тобою ничего не хочу на земле». Пс. 72 (73):25
Часто, когда мы говорим Богу, что любим Его всем сердцем, это — просто слова, ничего не значащие. Нас научили так говорить с детства, и мы продолжаем повторять эти фразы, когда вырастаем, часто не понимая, что говорим. Любить Бога — значит не иметь другой воли, кроме Его воли. Значит верно исполнять Его святой закон. Значит ненавидеть грех. Любить Бога — значит любить то, что любил Иисус Христос: бедность, унижение, страдание. Значит ненавидеть то, что Он ненавидел: мир, суету, страсти. Можно ли вообразить, что мы любим Того, на Кого не хотим быть похожими? Любить Бога — значит беседовать с Ним, стремиться быть с Ним, жаждать и тосковать по Нему.

О, как ложна та любовь, которая не хочет видеть Того, кого, якобы, любит! Спаситель пришёл, чтобы принести на землю Божественный огонь — и желает, чтобы этот огонь возгорелся и сжёг всё. А люди живут в смертельной холодности. Они любят кусочек металла, дом, имя, пустое слово, химеру, которую называют репутацией. Любят разговор, развлечение, которое тут же ускользает. И только для Бога у них не остаётся любви. Они изнемогают в любви к самым презренным созданиям. Неужели мы никогда не пожелаем вкусить счастье Божественной любви? Доколе мы будем предпочитать любовь к тварям, которые нас отравляют? О Боже, царствуй над нами, несмотря на наши измены! Пусть огонь Твоей любви потушит всякий иной огонь. Что же мы можем найти любезного вне Тебя, чего бы не было в Тебе в совершенстве — ведь Ты источник всякого блага? Даруй нам благодать любить Тебя — и мы не будем любить никого, кроме Тебя, и будем любить Тебя вечно.

21. «Молчал я, Господи, ибо Ты соделал это». Пс. 38(39):10
Для больного. Разве мне роптать, когда мой Бог поражает меня — и поражает из любви, чтобы исцелить? Ударяй же, Господи, — я принимаю это. Как сладки Твои удары, даже самые суровые, ибо в них сокрыта Твоя милость. Увы! Если бы Ты не поразил моего тела, душа моя не перестала бы сама наносить себе смертельный удар. Она была покрыта ужасными язвами. Ты увидел это, Ты сжалился. Ты сокрушаешь это греховное тело, разрушаешь мои честолюбивые замыслы, возвращаешь мне вкус к Твоей вечной истине, который я давно утратил. Да будешь Ты благословен вовек! Я целую руку, что сокрушает меня, и поклоняюсь руке, что поражает.

22. «Помилуй меня, Господи, ибо я немощен». Пс. 6:3
Для больного. Боже мой, у меня нет иного основания взывать к Твоему милосердию, кроме моей нищеты. Посмотри, как я нуждаюсь в Твоей помощи, и даруй её мне. Я ощущаю эту нужду, Господи — и счастлив, что ощущаю, если только это чувство удерживает меня от самонадеянности. Ты поразил мою плоть, чтобы очистить её; сокрушил моё тело, чтобы исцелить мою душу. Ты через спасительную боль вырываешь меня из тлетворных удовольствий. Немощь плоти угнетает меня, — меня, кто не ужасался немощи духа. Он был во власти суетной амбиции, в лихорадке яростных страстей. Я был болен — и не знал об этом. Моя болезнь была столь велика, что я даже не чувствовал её. Я был как человек в горячке, который принимает жар лихорадки за силу полного здоровья. О, блаженная болезнь, открывающая мне глаза!

23. «Сила моя оставила меня». Пс. 38(39):11
Для больного. Сила покинула меня. Я ощущаю только слабость, раздражение, истощение падающей природы, искушения к ропоту и отчаянию. Где же тот мужественный дух, которым я гордился, на который полагался? Увы! В дополнение ко всем бедам я должен сносить ещё и стыд за свою слабость и нетерпение! Господи, Ты поражаешь мою гордость со всех сторон, не оставляя ей ни малейшей опоры. Счастлив я, если Ты научишь меня через эти страшные уроки, что я — ничто, а Ты — всё.

24. «Вам даровано не только веровать в Него, но и страдать за Него». Флп. 1:29
Для больного. О драгоценный дар, которого никто не узнаёт! Боль не менее велика, чем вера, изливаемая в души Духом Святым. Блаженный знак милости — когда Бог даёт нам страдать! Но будет ли это страдание вынужденным, полным нетерпения? Так страдают демоны. Кто страдает, не желая страдать, тот находит в своей боли лишь начало вечных мук. А кто покорно принимает страдание — тот превращает его в бесконечное благо. Я хочу, Боже мой, страдать с миром и с любовью. Недостаточно верить в Твои святые истины — их нужно исполнять. Они осуждают нас на страдание, но открывают его цену. О Господи, оживи мою утомлённую веру! Пусть сияют во мне вера и терпение Твоих святых. А если мне не удастся — пусть я тут же смирюсь и восполню это покаянием.

25. «Господь дал, Господь и взял». Иов 1:21
Для больного. Вот, Господи, что Ты вложил в уста Своего слуги Иова в разгар его страданий. О, как Ты благ, что даёшь и мне, грешнику, говорить эти слова сердцем и устами! Ты дал мне здоровье — и я забыл о Тебе. Ты отнял его — и я вновь пришёл к Тебе. Драгоценная милость, что отнимает у меня дары Божии, отдалявшие меня от Него, чтобы даровать мне Самого Бога. Господи, отними всё, что не Ты, если только я получу Тебя. Всё принадлежит Тебе. Ты — Владыка. Распоряжайся всем: благами, честью, здоровьем; отними всё, что стало мне вместо Тебя.

26. Придите ко Мне, все труждающиеся и обременённые, и Я успокою вас. (Матф. 11:28)
Для больного. Сладостное слово Иисуса Христа, Который принимает на Себя всю усталость и все страдания людей! О, мой Спаситель, так Вы хотите нести все мои болезни! Вы приглашаете меня возложить их на Вас. Всё, что я страдаю, должно найти в Вас облегчение. Я соединяю, значит, мой крест с Вашим; несите его за меня. Я — как Вы были тогда — падаю в изнеможении, когда другому велели нести Ваш крест. Я иду за Вами, Господи, к Голгофе, чтобы быть распятым. Я хочу, когда Вы пожелаете, умереть в Ваших объятиях; но тяжесть моего креста подавляет меня. Мне не хватает терпения — станьте моей терпеливостью сами; умоляю Вас ради Вашего обещания. Я прихожу к Вам; у меня больше нет сил — и этого достаточно, чтобы заслужить Ваше сострадание и Вашу помощь.

27. Отче Мой! избавь Меня от часа сего. (Иоанн 12:27)
Для больного. Хотя Вы угрожаете и поражаете меня, о, Боже мой, — Вы мой Отец, и всегда им будете. Избавьте меня от этого страшного часа, от этого времени горечи и изнеможения. Позвольте мне отдышаться в Вашем лоне и умереть в Ваших объятиях. Избавьте меня — или облегчением моих страданий, или увеличением моего терпения. Режьте до живого, сжигайте, но явите милость, сжальтесь над моей слабостью. Если Вы не хотите избавить меня от моей боли, избавьте меня от самого себя — от моей слабости, моей чувствительности и моего нетерпения.